

Кирилл Кочегаров

**РОЛЬ ИВАНА МАЗЕПЫ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1708 г.:
ПОЕЗДКА ЗГУРЫ СТИЛЕВИЧА
К СЕРАСКЕРУ ЮСУФУ-ПАШЕ**

У статті досліджено роль І. Мазепи в російсько-турецьких дипломатичних відносинах першої половини 1708 р. Історик відкинув тези, що український гетьман проводив системну політику щодо Османської імперії. Він заперечив незалежність контактів І. Мазепи, обґрунтовуючи це відсутністю достатніх документальних свідчень.

Ключові слова: І. Мазепа, Карл XII, Гетьманщина, Османська імперія, дипломатичні відносини.

В статье исследована роль И. Мазепы в российско-турецких дипломатических отношениях первой половины 1708 г. Историк отверг тезисы, что украинский гетман проводил системную политику касательно Османской империи. Он отрицал независимость контактов И. Мазепы, обосновывая это отсутствием достаточных документальных свидетельств.

Ключевые слова: И. Мазепа, Карл XII, Гетманщина, Османская империя, дипломатические отношения.

The article examines the role of Ivan Mazepa in the Russo-Turkish diplomatic relations in the first half of 1708. Historian has rejected the contentions that Ukrainian Hetman conducted a systematic policy concerning the Ottoman Empire. Historian denies independent contacts of Ivan Mazepa, justifying it by the absence of sufficient documentary evidence.

Keywords: I. Mazepa, Charles XII, hetman, the Ottoman Empire, diplomatic relations.

Подготовка похода короля Карла XII на Россию сопровождалась усилиями шведской дипломатии осложнить ее международное положение. Это выражалось не только в стремлении укрепить позиции шведского ставленника Станислава Лещинского в Речи Посполитой, но и в попытках заручиться поддержкой Османской империи. В свою очередь, недопущение ухудшения русско-турецких отношений стало одной из важнейших задач русской дипломатии в 1707–1708 гг.

Гетман Украины к началу XVIII века уже традиционно играл важную роль в реализации внешнеполитического курса русского правительства в отношении Крыма и Османской империи. Причем зачастую это касалось не только пограничных вопросов, но и других, более значимых для России проблем. Одним из примеров подобного вовлечения гетмана И.С. Мазепы в решение ряда важных для русского правительства вопросов в отношениях с Турцией в 1708 г. стала поездка его доверенного лица — грека Згуры Стилевича¹ в Бендеры для переговоров с Юсуфом-пашой — вали (губернатором) или сераскером (главнокомандующим) эялета Силистры, который в тот момент пребывал в Бендерах.

В июле 1707 г. в Константинополь прибыл галицкий стольник Самуэль Гурский, посол Станислава Лещинского. При этом посланник союзной России сандомирской конфедерации — Миколай Милькевич по распоряжению османского правительства был задержан в Яссах (в Константинополь были отправлены привезенные им письма). С. Гурский пытался добиться от Порты посылки на помощь Станиславу Лещинскому татарского войска. В перспективе не исключалось и заключение польско-турецко-шведского союза². По сведениям русского посла в Турции Петра Андреевича Толстого, Порта отвергла предложения С. Гурского, а сам он был «отпущен не честно, можно сказать, что выслан силою». Кроме того, русский дипломат сообщал, что Порта отказалась признать Станислава Лещинского королем Польши³.

Однако П.А. Толстой не знал или недооценил того факта (не сообщив о нем в Россию), что польско-турецко-шведские контакты были продолжены через посредство Юсуфа-паши. Осенью 1707 г. сераскер направил в шведскую ставку Мехмеда-эфенди (Мехмеда-агу), не имевшего официальных полномочий от Порты. На переговорах стороны вновь обсуждали возможность поддержки со стороны Турции Станислава Лещинского. Доставленные Мехмедом-эфенди послания шведско-польской стороны были направлены сераскером в Константинополь. Однако султанское правительство, как и ранее, не решилось нарушать мирный договор с Россией. Тем не менее, весной 1708 г. в Бендеры для продолжения переговоров прибыл коронный кухмистр Станислав Тарло⁴.

По некоторым данным, в ходе переговоров с польско-шведской стороной Мехмед-эфенди заявил, что Порта не может предоставить поддержку Станиславу Лещинскому в форме открытого направления в Польшу вспомогательных войск, поскольку турки не желают в данный момент разрывать мир с Россией. В то же время турецкий дипломат заметил, что султан готов это сделать иным образом, а именно путем отправления к Станиславу татарского войска. Это устное обещание османский дипломат подтвердил, подписав 1 января 1708 г. (н. ст.)^{*} соответствующее письменное обязательство на имя Станислава Лещинского⁵.

---

^{*} Все даты, кроме особо оговоренных, даны по старому стилю.

По поводу политики Порты в отношении России в 1707 — первой половине 1708 гг. в историографии существуют различные мнения. Суждение Т.К. Крыловой о том, что с весны 1707 г. в Константинополе восторжествовала правящая группировка, выступавшая за мирные отношения с Россией и нейтралитет в русско-шведском противоборстве (при этом автор принимает взгляд П.А. Толстого на миссию Мехмеда-эфенди как осведомительную)⁶, на наш взгляд, несколько упрощенно характеризует внешнюю политику Порты того времени.

Более предпочтительной представляется точка зрения шведского историка С.А. Нильсона, основанная на сообщениях турецкой хроники. Позиция Турции, которую великий везир Чорлулу Али-паша сформулировал в послании Юсуфу-паше, заключалась в следующем. В условиях русско-шведской войны в Константинополе посчитали полезным для Порты укрепить дипломатические отношения с Карлом XII, что должно было, по мнению великого везира, несколько ослабить внешнеполитические позиции России. Юсуф-паша должен был развивать дружеские отношения со шведами от своего имени, однако сераскер пошел в этом дальше, дав Мехмеду-эфенди дипломатические полномочия, что противоречило инструкции великого везира⁷. Предлагал ли Мехмед-эфенди вспомогательные войска для Станислава по инициативе османского правительства или Юсуфа-паши, до конца не ясно. Ниже будет рассмотрена версия, согласно которой турецкий эмиссар действовал по собственной инициативе.

Вне зависимости от того, какие инструкции имел Мехмед-эфенди, и насколько его действия были санкционированы великим везирем или же даже Юсуфом-пашой, очевидно, что хотя в рассматриваемое время Османская империя, по ряду причин, не желала обострения отношений с Россией, это вовсе не означает, что в Константинополе не осознавали, насколько не соответствует османским интересам усиление влияния России на Правобережной Украине и в Причерноморье. Вполне логичным поэтому выглядело желание османов, не вступая в открытый конфликт с Москвой и всячески демонстрируя ей желание соблюдать мир, оказать скрытую поддержку ее противникам — Карлу XII и Станиславу Лещинскому. И если даже османские политики колебались в своих намерениях высылки татарского войска в Польшу (сделано это так и не было), все равно контакты с противниками России являлись для Порты одним из средств влияния на расстановку сил в Восточной Европе и вполне могли рассматриваться, как перспективное направление внешней политики в недалеком будущем. Это подтверждают и многие факты, касающиеся поездки Згуры Стилевича в Бендеры и нашедшие отражение в его реляциях.

О миссии Мехмеда-эфенди в Москве узнали не от П.А. Толстого, а от гетмана И.С. Мазепы. В письме от 7 ноября 1707 г. гетман сообщил об этом начальнику Посольской канцелярии Г.И. Головкину, отмечая, что миссия эта была специально скрыта султанским правительством от русского посла; что Мехмед-эфенди повез письмо от великого везира к литовскому подканцлеру

Станиславу Щуке, а Юсуф-паша направил с ним от своего имени письма к Карлу XII и Станиславу Лещинскому, текст которых якобы получил из Константинополя. Турецкий дипломат должен был воочию убедиться, что шведские войска способны вести войну с Россией, и убедить Станислава и Карла XII, чтобы они не мирились с Петром I «без согласия и ведома» султана. По сообщению из Ясс анонимного гетманского «доброхота», Порты готова начать войну с Россией «или сей приходящей зимы чрез татар, или на весне явственно сами собою», а в Бендерах ведутся масштабные военные приготовления и стягиваются войска. Этот анонимный информатор якобы сам видел письма Юсуфа-паши к шведскому королю и его польскому союзнику, «в две мешечках златоглавных заключенные». В поддержку своей информации гетман ссылался и на сведения иерусалимского патриарха Хрисанфа о готовности турок начать с Россией войну зимой или весной, заключив союз с Карлом XII и Станиславом Лещинским⁸.

В декабре 1707 г. встревоженный Петр I, сообщая об этом П.А. Толстому, потребовал от русского посла в Константинополе немедленно еще раз прояснить подробности миссии С. Гурского, разузнать о поездке турецкого эмиссара в Польшу и в связи с этим прозондировать настроения османских правящих кругов касательно войны с Россией⁹.

Однако на все запросы Толстого ему было заявлено, что Мехмед-эфенди ездил с осведомительными целями и никаких официальных полномочий не имел. 14 января 1708 г. на встрече с русским дипломатом реис-эфенди (руководитель османской внешней политики) уверял его в исключительно мирных намерениях Порты в отношении России¹⁰. В послании Г.И. Головкину русский посол заявлял, что анонимный корреспондент Мазепы «приказывал» гетману «не истинну». Подтверждая, что Мехмед-эфенди был действительно направлен в Польшу, Толстой, тем не менее, настаивал, что никаких писем от имени султана или везира с ним не посылалось. Русский посол имел в виду, что ему стало бы обязательно известно о факте составления подобного послания в османской канцелярии. В связи с этим Толстой иронизировал по поводу послания великого везира Али-паши подканцлеру С. А. Щуке: «и когда везирь послал писмо тайно, как же оный корреспондент мог о том познать, будучи в Волоской земле? И может быть, что оный корреспондент самые тайные секреты салтанские и везирские ведает, чего мы здесь отнюдь проведать не можем». Русский дипломат оправдывался, что не сообщил о миссии Мехмеда-эфенди, поскольку не считал, что она каким-то образом направлялась против России и вообще была организована по решению центрального правительства в Константинополе. Мехмед-эфенди, по его мнению, был направлен исключительно с осведомительными целями и не имел полномочий о чем-либо договариваться, разве что делал это по инициативе сераскера. «А что Юсуп-паша чинит пересылки с поляки из Бендеря, мне того ведаť не почему, понеже Бендер отсюду в далнем разстоянии и тамошних дел состояние лутче может быть ведомо гетману и ковалеру господину Мазепе», — признавался П.А. Толс-

той. Он соглашался, что допустил оплошность, не сообщив, с какой грамотой был отправлен из Константинополя С. Гурский, но одновременно оправдывался, что по сведениям, которые он получил позже (самого текста русскому послу достать не удалось), в грамоте «кроме поздравления, ничего не писано».

Уязвленный выговором, полученным от Головкина за то, что не уследил за действиями турецких дипломатов по отношению к шведско-польской стороне, которые несли в себе потенциальную опасность для России, Толстой в своем пространном послании несколько раз говорил об отсутствии каких бы то ни было признаков скорого начала войны со стороны Порты, высказав, правда (не исключено, что для перестраховки), опасения, как бы турки «не послабили татаром», т. е. видимо позволили им совершать набеги на российские владения. Таким образом, Толстой частично подтверждал приводившиеся выше предупреждения гетмана. Он подтвердил и факт строительства крепости в Бендерах, хотя и отрицал размах ведущихся военных приготовлений в части отправки туда артиллерии и людей¹¹. Стоит отметить, что информация о письме великого везира С.А. Щуке не является совсем безосновательной. Шведский историк С.А. Нильсон отмечает, что статс-секретарь Улоф Хермелин в письме от 22 ноября 1707 г. благодарил литовского подканцлера за подготовку прибытия Мехмеда-эфенди¹².

Находясь в Константинополе, русскому послу было трудно отслеживать политику Юсуфа-паши, довольствуясь той информацией, что удавалось собирать в османской столице, при этом зачастую из вторых-третьих рук и с опозданием¹³. Поэтому здесь для русского правительства особое значение приобрела дипломатия гетмана И.С. Мазепы, который имел не только собственные контакты с сераскером Юсуфом-пашой, но и свою сеть осведомителей в Бендерах, а также в Молдавии и Валахии. В отличие от гетмана, П.А. Толстой, например, признавался, что не поддерживает тесных контактов с валашским господарем Константином Брынковяну и валашским стольником Константином Кантакузино¹⁴, тогда как Мазепа, как это будет видно выше, имел с ними контакты. Да и сам Згура Стилевич вел переписку, например, с К. Кантакузино¹⁵.

В феврале 1708 г. Мазепа извещал о полученной им от коронного гетмана Адама Миколая Сенявского информации о том, будто бы турецкий посол, ездивший к Карлу XII и Станиславу Лещинскому, «обещал им именем Порты в помощь по первой весне 40 000 турков, а 60 000 орды, и будто и писмом тую свою ассекурацию подтвердил»¹⁶. В апреле в распоряжении русского правительства оказались известия гетмана, что С. Тарло — посол Станислава в Османскую империю, проехал Яссы. И.С. Мазепа узнал об этом от К. Брынковяну¹⁷.

В апреле И.С. Мазепа и сообщил русскому правительству о появлении С. Тарло в Бендерах, узнав об этом от находившегося в Ягорлыке, в 7 милях от Бендер, своего «губернатора» (так назывался пребывавший там постоянный представитель гетмана¹⁸). В письме Г.И. Головкину гетман отмечал, что корон-

ный кухмистр прибыл в Бендеры «в великой ассистенции, которого сам сераскер паша з яничарами и со всем войском при себе будучом турецком встречал и честно в Бенедр впровадил». Целью миссии С. Тарло было получение для войск Станислава Лещинского помощи в виде татарских отрядов. Необходимость этой помощи польский дипломат обосновывал тем, что Август II, заручившись якобы поддержкой германского императора, собирается вернуться в Польшу, «и если сераскер не даст орды», то Карл XII и Станислав, несмотря на существующие некие договоренности с Портой, вынуждены будут «с Москвою примиритца, понеже будто сама Москва стараетца и просит о покой», сосредоточив все усилия на борьбе с Августом II и императором. Коронный кухмистр убеждал Юсуфа-пашу, что если османы помогут Станиславу и шведскому королю, выслав на соединение с ними татар, то «будто и казаки орде помоществоват будут». Поедет Тарло в Константинополь или нет, информатор гетмана не сообщал¹⁹. Г.И. Головкин дословно пересказал эти сведения в письме Петру I от 5 мая 1708 г.²⁰

Стремление русского правительства получить более подробную информацию о миссии С. Тарло и заодно еще раз проверить сведения, сообщенные П.А. Толстым и гетманским «губернатором» из Ягорлыка, и стали основной причиной посылки Згуры Стилевича в Бендеры.

Другой важной причиной поездки Згуры к сераскеру стало усиление напряженности в отношениях населения приграничных областей России и Турции — между белгородскими и крымскими татарами и ногайцами, с одной стороны, и украинскими и донскими казаками и калмыками — с другой. Юсуф-паша слал в Константинополь жалобы на набеги подданных России — казаков и калмыков и отгон ими скота у белгородских и крымских татар. Во второй половине 1707 — начале 1708 гг. это осложнило положение П.А. Толстого, от которого недовольная Порта требовала компенсации убытков, понесенных подданными султана, а также допуска ее представителей для участия в розыске похищенного²¹. Соответствующие претензии сераскер предъявлял и гетману И.С. Мазепе, который даже жаловался русскому правительству, что Юсуф-паша «повелевает мне то поголовщину платить, то лошадей сыскивать, чиня меня власно стадником или стражем стад их, белгородцких»²². Естественно, что Мазепа, в соответствии с требованиями русского правительства, добивался от запорожцев прекращения набегов. Однако сечевики неизменно заявляли, что не причастны к ним.

В конце 1707 г. И.С. Мазепа направил в Сечь своего посланца Якима Кньша, вновь выговаривая запорожцам за похищение коней, а также за недавно осуществленный отгон более чем трехтысячной отары овец. В ответном послании (сразу после рождественских праздников) Низовое Войско и кошевой Тимофей Фененко заявляли, что краденных коней в Сечи нет, а «тих злодеев и коноводов жадною мерою тут у себе не передержуемо». Что касается овец, то запорожцы и вовсе считали подобные обвинения надуманными, «поневаж все кримские улуси и отара тут около Сечи, взявши з гори от Карачакрану аж до

Белозорки, а от Белозорки до Рогачика и до самой Каиры по над самим Днепром кочуют и ходят и нашему товариству своею працею и мысливством» вредят в промыслах (далее следовал длинный перечень жалоб на «кривди и утиски» от «крымских людей»), и, несмотря на это, казаки не отгоняют у них овец и прочий скот. «Да уже б туда в белгородскую сторону для бырок (овец. — *К.К.*) удавались, тут под боком множество их маючи? Яких бырок не тилко от белгородцов не уганяли, лечь на умислах того не было и во сне не снилос», — иронизировали запорожцы. Они напоминали гетману, что в Сечи запрещены «шкоди и крадежства»²³.

Однако согласно анонимному информатору гетмана, скрывшемуся под инициалами «Г.Р.», все было совсем иначе. В своем послании он сообщал, что тотчас после прочтения в раде писем гетмана, среди казаков начались волнения: «зараз почали старшину скидати да бытися в раде». Неизвестный запорожец писал Мазепе, что сечевики не обращают внимания на его увещевания и требования и конокрады, отогнавшие коней у белгородских татар, чувствуют себя в Сечи превосходно, «а когда рада о чом станет, тогда оны на конь и до крепі (крепости. — *К.К.*) своей в Базавлук, где немало там их обретається». Правда, о похищении овец, по сообщению анонима, «еще тут не пронеслося и еднаго слова»²⁴.

Естественно, что набеги запорожцев на кочевья белгородских татар и ногайцев прекратиться не могли. В апреле 1708 г. в Сечи получили новую грамоту гетмана И.С. Мазепы с обвинениями в угоне у белгородских татар двухсот («полчварта ста») коней. Новый кошевой Константин Гордиенко и Низовое Войско выражали удивление и недоумение по поводу гетманских нареканий, заявляя, что, реагируя на предыдущие требования Мазепы, «тую своеволю з межи себе вывели, искоренили», постановив конокрадов казнить смертью. На заявления белгородских татар, преследовавших угонщиков, что следы их вели якобы в Сечь, запорожцы отвечали, что это всего лишь предположения, поскольку преследователи до Запорожья не доехали. В угонах лошадей они обвиняли своевольные ватаги городских казаков²⁵. Однако вскоре гетман получил уточняющую информацию. Доставленный к нему в Белую Церковь атаман Згарда, ходивший с товариществом на рыбные промыслы, сообщил Мазепе, что видел «своими очима Перебийноса чрез Бог переправуючогося з товариством легкомыслным и своевольным, маючи при себе стаднину белгородских коней, и погнался до Вербового з оною, обзиваючися сечовым товариством, а не знат якого куреня». На соответствующее гетманское письмо в Сечь, запорожцы вместе с К. Гордиенко вновь отвечали, что изгнали «з межи себе своевольных коноводов» (в т.ч. и «плута» Перебийноса, который приносит войску дурную славу), а шайка конокрадов состоит из городских (и в том числе уманских) казаков. Низовое Войско допускало, что к ней вполне могли прибиться и отдельные выходцы из Сечи, снимая с себя ответственность за их действия. «Да и тое не помалу нас Войско Запорожское Низовое оскорбляет, что городовіе здавна злодейством бадаючися люде кому где в

чом колвек учинят шкоду, то велможност ваша все до нас пишете», — подводили итог сечевики²⁶. Еще в декабре 1707 г. И.С. Мазепа, сообщая Г.И. Головкину о жалобах Юсуфа-паши на отгон трехтысячной отары овец и предпринятых им в связи с этим мерах, сетовал: «всеу труждаюся, понеже воровство тое между запорожцами не искореняется и не умалается». Также Мазепа жаловался на уманских казаков, заявляя, что они «едного ж духа и нрава з запорожцами»²⁷.

Таким образом, истинная цель поездки Згуры к Юсуфу-паше состояла в сборе информации о его контактах со шведами и представителями Станислава Лещинского. Решение пограничных проблем должно было послужить в данном случае прикрытием, хотя, безусловно, вопрос этот также имел вполне реальное значение в двусторонних отношениях России и Османской империи. В послании Г.И. Головкину Мазепа обещал по возвращении Згуры сообщить, что в Бендерах «делают и выробляют» С. Тарло и сопровождающий его шведский дипломат²⁸. Именно так и характеризовал миссию Згуры руководитель Посольской канцелярии в письме Петру I²⁹.

О миссии Згуры Стилевича повествуют две реляции. Основная озаглавлена, как «Реляция от мене, Згуры Стилевича, за поворотом моим из Бендер от Юсуф сераскера паши силистрийского чиненая по указу ясневелможного его милости пана гетмана Войск Запорожских и кавалера в Белой Церкви мая 30 року 1708»³⁰. Ее дополняет «Особная от менеж, Згуры Стилевича, реляция, року и дня выжей описанного, в Белой Церкви чиненая»³¹. Если первая последовательно излагает основные события поездки грека в Бендеры, то вторая более подробно описывает наиболее важные встречи и переговоры, а также содержит информацию, собранную Згурой по интересовавшим гетмана и русское правительством вопросам.

28 апреля 1708 г. Згура выехал из Белой Церкви и прибыл в Бендеры 4 мая. 6 мая состоялась его встреча с Юсуфом-пашой, который «в привете своем явил себе мне сердитым барзо и гневливым». Однако «упоминок» и письмо И.С. Мазепы принял, выслушав и краткую речь посланца с поздравлением от имени гетмана. Згура отмечал, что Юсуф-паша «почтил мене тым местцем, на яком и прежде садил, когда перед тым до его бывалем присылан, то есть велел на зидлику сести, а сам, сидя по обыкновению на земли, почал публице при звыйкой своей многолюдной ассистенции выговорувати так».

Первая аудиенция была целиком посвящена пограничной проблеме. «Что то за мир? — восклицал паша. — Что за суседская приянь межи нами? Когда от початку постановленных пактов непрестанные стороне нашой от вас чинятся шкоды». «Шкоды» сводились к отгонам казаками у татар коней и рогатого скота, общее число которого, по подсчетам татарско-турецкой стороны, составило более 20 тыс. голов, а так же нападениям на купцов, проезжавших из владений Порты во владения русского царя. Все это, заявлял паша, «деется против мирных договоров межи монархами утвержденных, так и приязнь, чрез пакта состоявшаяся (имелся ввиду Константинопольский мирный договор

1700 г. — *К.К.*), не без вонпливости и подзору у нас зостаєт». Поэтому необходимым условием установления действительно мирных и дружеских отношений между Россией и Портой является вознаграждение всего понесенного турецко-татарской стороной ущерба, резюмировал сераскер («Если справедливость належитая и нагорода за все шкоды нашим людям учинится от вас, то в тот час правдивый будет мир и приязнь совершенная»).

Предваряя обычные возражения русско-украинской стороны о невозможности воспрепятствовать действиям «своевольных» казачьих ватаг, сераскер выразил готовность турецко-татарской стороны самостоятельно наказать виновных, потребовав выдать письменное разрешение с обязательством России и гетмана не защищать «своевольников»³².

В ответ на предыдущие попытки И.С. Мазепы отвести от запорожцев вину за набеги на татарские владения («скажете вы, что межи запорожцами злодеев на машь и вымовляете их з того»), Юсуф-паша напомнил Згуре, что некоторое время назад по приказу гетмана турецко-татарской стороне были возвращены кони, отогнанные «у татар наших» и обнаруженные в Сечи. При этом сераскер не преминул заметить, что, хотя в соответствующем письме И.С. Мазепы речь шла о 260 конях, татарам на руки было передано только 240. «Знатно вместо десятины тые недоставаючие двадцят коней у себе удержалисте», — возмутился он.

На этом аудиенция закончилась. Паша отпустил Згуру, «велми сердито фукаючи, до господы, отложивши прочее до далшого розговору». Он состоялся 15 мая «по полудню», поскольку с утра Юсуф-паша был занят переговорами «с послом противной стороны» — коронным кухмистром С. Тарло³³.

Время между первой и второй аудиенциями Згура посвятил сбору информации о польско-шведско-турецких контактах, которая изложена им в «Особной реляции».

В Бендерах Згура застал троих посланцев «от стороны противной». Один из них — Ян Рушковский, летичевский ловчий³⁴, был послан сторонником Станислава Лещинского, киевским воеводой Юзефом Потоцким, «дякуючи паше за тое, что за его пашиным указом и позволением помянутого воеводы киевского дети и субстанция в Сочаве у Волощине в целости знайдуется». В знак благодарности Рушковский вез в подарок паше «карету з шестма фрызами». 7 мая он был отпущен из Бендер. «Если что мел за собою болше тот посланец, не знать», — отмечал Згура.

Два других — уже упоминавшийся С. Тарло и неназванный по имени шведский дипломат, которые находились в Бендерах, ожидая указа от Порты на проезд в османскую столицу, как они желали, или об отпуске их из Бендер. Особенно, по свидетельству Згуры, они ждали «обещанного именем Порты» Мехмедом-эфенди «королю шведскому и Лещинскому суккурсу»³⁵.

Помимо вышеуказанных дипломатов, в Бендерах находился и венгерский посол, который, по сведениям грека, «толко з приятельским отозвом был прислан»³⁶.

14 мая в Бендеры приехал «посланец» коронного стражника Стефана Потоцкого «з авизиями от Полщи». И в речи посланца, и в доставленном им письме «залецано Станеслава, а на ясневелможного его милость пана гетмана запорожского заношено жалобу, что от суккурсу козацкого в Полщи обиды и разорения чинятся»³⁷.

Еще 8 мая Згуру посетил («за позволением» Юсуфа-паши) некий Дзяун-мурза. «Велми доброхотным и зичливым к особе ясневелможного его милости пана гетмана запорожского являлся предо мною», — сообщал украинский дипломат. Грек в своей реляции не описывает конкретное содержание разговора, и, видимо, встреча ограничилась церемониальным обменом любезностями. Более содержательная беседа должна была состояться, по всей видимости, в ходе второй встречи, о которой договорились Згура и Дзяун-мурза. Однако она не состоялась, поскольку последний внезапно уехал из Бендер, получив известие, «же его татаре 17 человека, ездячи в степу за звером, зъехавшися з козаками завелися, где двох татар в смерть убито, двох живцем взято, иных ранено, а други, поутекавши, дали знат ему Дзяун-мурзе». Юсуфу-паше мурза сообщил, что поедет «в погоню за тыми козаками, взявши орды з полторы тысячи», собираясь преследовать нападавших, даже если они двинутся в Сечь. Если же казаки укрылись бы в украинских городах, Дзяун-паша выразил решимость ехать к самому гетману И.С. Мазепе³⁸.

Находясь в Бендерах, Згура «частокротне» встречался с резидентами валахского и молдавского господарей при сераскере, «катории суть люде доброй совести христианской, доброхотни и прихилни до мене были». Они подтвердили Згуре уже известный факт посольства С. Гурского в Константинополь, отметив при этом, что Порта через его посредство выразила свое дружественное отношение к Станиславу Лещинскому, «меючи его за приятеля и узнаючи за короля полского». Сам же Лещинский якобы «на документ приязни субмитовался (т. е. согласился. — К.К.) Порте, так все тое ненарушане заховат и потвердит, о чомколвек отец его от Августа и Речи Посполитой полской з Портою трактовал³⁹, яко и приятелское познанеся Порты з шведом учинить». Мехмед-эфенди был отправлен с санкции Порты «через посредствие пашы силистрийского на все тое учинит ответ Лещинскому, бо и тот Лещинского посел, первой у сераскера мусил быт, ниж у Порты станул».

После отпуска С. Гурского из Константинополя был направлен указ Юсуфу-паше, «дабы он послал якого справного, годного и поуфалого особу до Лещинского». Сераскер «зараз ... в тропы за Лещинского послом отпущенным, выправил реиза своего Мегмет Афенди до Лещинского, з тым, что Порта узнает его за короля полского, поздоровляет того королевского достоинства, отзываютися с приязню, а о взаимную просит, предречоных трактатов так же додержати обовязуется и взывает до корреспонденции взаимной, обещаючи всяким желанием неотмовное чинити доволство и совершенство». В отношении Карла XII Мехмед-эфенди должен был декларировать удовлетворение Порты по поводу установления двусторонних отношений («А до шведа в

особном листе самый комплемент изобразуючи тое: же Порта з приязнию озывается и рада тому, что з таким монархою до познания пришла»).

По сведениям Згуры, сам Мехмед-эфенди «над годность свою был приимован вдячне у Станислава и частокротные мевали з собою конференции». При этом посланец сераскера «чрез увесь час, колко там бавился ... завше если не у самого Лещинского, то у партизантов тамошних трактаментами и конверсациями упражнялся». Более того, Мехмед-эфенди три раза встречался со шведскими представителями: «при отданю листа, другой раз на конференции, а третий раз при одобраню экспедиции». Он обещал Станиславу «все справити у Порты, чога бы колвек потребовал», при условии что польская сторона направит посла в Константинополь «з прошением», уверяя: «же Порта готова прошений их слухати и оным задосит чинити, особливе в даню суккурсу». Результатом этого и стало направление в Бендеры коронного кухмистра С. Тарло и «шведа якогось, упоминаючися обещанного суккурсу ордою против нашей стороны».

Шведская сторона поддержала дипломатию Лещинского при османском дворе в ее стремлении получить обещанную османами помощь. От имени Карла XII Мехмеду-эфенди было заявлено, что «если Порта Лещинскому суккурс сеей зимы даст, то и я, мовит, целе при Божией помощи надеюся на московской столицы зимоват, токмо мне в том препятием великим Станислав есть, которого не утвердивши якбы належало на троне, не покоривши противных ему поляков, не могу того теперь доказать». «А если Порта в том Лещинскому не высведчит учинити, — передавал Згура планы шведского короля, — то я, мовит, як колвек з Москвою расправлюся и до згоды прийду, не нарушаючи приязни моей к Порте, толко ж сама Порта нехай тое уважит, який конец тому после будет, понеже и сама Порта тое добре знает: який москаль приятель, и як близкий он сосед есть»⁴⁰.

За цветистыми оборотами реляции гетманского дипломата (конкретизировавшими более ранние сведения, сообщавшиеся И.С. Мазепой) кроется, по сути, то же содержание, что и в турецких и шведских источниках, на основе которых описывал переговоры Мехмеда-эфенди С.А. Нильсон: заинтересованность Карла XII в поддержке Портой Станислава, как важный фактор успешных действий шведов против русских⁴¹.

Однако когда Мехмед-эфенди, возвратившись из Польши в Бендеры к силистрийскому паше, «объявил о послу Лещинского, идучом до Порты просити суккурсу, и что он упевнял тым суккурсом», паша выразил недовольство, что он, «не меючи злецена, упевнял и отослал до Порты Реиза Афенды⁴² з донесенем поселства его». Однако тот за свою миссию в Константинополе якобы «был похвален и по обыкновению тамошнем почтен и каф[т]аном одягнен». Великий везир, впрочем, «указу ... до сераскера на все тое велел ... ждати потол, покол он же вейзирь акт свой веселный отправит, бо женился чи з сестрою солтановою, или з племенницею». Паша соответственно задержал в Бендерах польского и шведского посланников.

Еще в бытность Згуры в Бендерах туда прибыл курьер из Константинополя, сообщивший, что Мехмед-эфенди отпущен из османской столицы с указом к сераскеру, однако о содержании его греку разузнать не удалось.

По сведениям, собранным гетманским дипломатом, в Константинополе «по веселю вейзира» трижды «заседала рада у Порты», при этом «на раде той постановлено, будто войну начать, толко нихто не знает, против кого».

Резиденты валашского и молдавского господарей, ссылаясь на информацию, полученную «от ближайших у двору сераскерова особ», сообщили Згуре, что «непрременно дадут вскоре суккурс противной стороне ордою», но не смогли назвать точное число татарского войска, которое будет направлено в Польшу. По их словам, польский и шведский представители прибыли в Бендеры, будучи уверены, что Порта не откажет им в обещанной Мехмед-эфенди помощи⁴³.

15 мая состоялась вторая встреча Згуры и Юсуфа-паши. На этот раз «явил себе мне он паша ласкавшим и приветлившим, ниж первой при одобранию листа», — отмечал Згура в своей реляции. Кроме того, в этот раз встреча прошла с глазу на глаз. Юсуф-паша «казал всем своим выступити», после чего просил Згуру «о прощение, что первым разом принял мене необыкло з гневом, вымовляючися, что тое принужден был чинит для предстоящих ему паше под тот час многих мурз и аг турецких, котории всегда [мовит] мне докучают, скорбят за великие себе починеные и чинячиися шкоды и примовляют явно, что я за ними не стою, стараня о награждении прилежного не прилагаю, и от одомщения их удержую, котрое певне будет, если вскоре их неудоволстуете, понеже они с всею Ордою Белагородскою и Нагайскою заносили до Порты супплеку о тых шкодах, которая вашему послови от Порты отдана, а от посла до вас послана с писмом его». «Однак и по той Орды Белагородской и Нагайской супплике, и по отписке посла вашего, жадное уконтентование укривжонным не учинилося от вас, овшем им далее, тым болшые от своеволцев умножаются злодейства», — подводил Юсуф-паша итог обсуждению пограничных проблем между Россией и Османской империей.

Уловка турецкого дипломата, оправдывавшегося за резкий прием, и переговоры с глазу на глаз предвещали обсуждение более значительных внешне-политических проблем, нежели пограничные ссоры и конфликты. Юсуф-паша начал с предложения Згуре встретится с находящимися в Бендерах тремя «послами ляцкими» (имелся в виду С. Тарло, сопровождавший его представитель Швеции и, видимо, посланец С. Потоцкого): «хорошо б тебе з ними повидатца и познатца, бо люде барзо политичныи и розумныи, а я тебе того не з[а]бороняю».

Далее Юсуф-паша сформулировал отношение Порты к вмешательству России в дела Речи Посполитой: «не належало б цареви вашему мешатися межи поляков и межи Августа, з чого великое зло и крайнее разорение Полще уросло». Сераскер занял недвусмысленную прошведскую позицию, «похваляючи шведа», по выражению Згуры: «швед Августа, врага, своего, по жела-

нию поляков, з Полщы выгнал, войском своим розумне радит, которое з платы его багодарно, ничего з скарбов своих не утратил и Полще мало шкоды бытностью своею в оной учинил». В своей пространной речи Юсуф-паша обратился к истокам Северной войны, считая, что польский король и саксонский курфюрст Август напал на Швецию, атаковав Ригу, «не меючи жадной причины до зачатя з королем шведским войны». Он оправдывал действия польской оппозиции Августу, который начал войну со Швецией, несмотря на существование шведско-польского вечного мира, без «соизволения и совету» Речи Посполитой. Поэтому, делал вывод сераскер, «швед и над неприятелем своим Августом без ущербу своего войска доказал, чогу хотел, и поляком по их желанию досит учинил», свергнув Августа с престола. «А яко швед против наступления Августового неправедного праведную оборонительную войну зачал и тепер оную провадит, так и Бог ему помогает, что всюду выиграет и неприятели пред ним утекают», — заключал Юсуф-паша. «А ваш царь, — продолжал он, — неналежне в тое умешался, чим и себе великий убыток и утрату учинил, и Полще руину нанесл».

Охарактеризовав таким образом политику основных участников Северной войны, Юсуф-паша перешел к роли гетмана И.С. Мазепы. «Чому гетман ваш, яко человек благоразумный и в[о] всем всесовершенно искусный, — говорил сераскер, — о чом и мы добре знаемо, до того як чуемо, же царь его любит, не постарается и не потрафит в тое, дабы государя з шведом до згоды привел»⁴⁴.

Эта позиция Юсуфа-паши вполне согласовывалась со взглядами, которые он выразил в письме коронному гетману А.М. Сенявскому, написанному примерно в то же время. Оно стало известно русской дипломатии через посредство молдавского господара Михаила Раковицы и гетмана И.С. Мазепы. Сераскер отвергал претензии коронного гетмана относительно пропуска в Константинополь С. Гурского и признания Станислава Лещинского королем. Более того, он выражал недовольство возможным возвращением в Польшу Августа II вопреки, как он считал, Альтранштадтскому миру (тексты которого «по всему свету суть разсланы»), и даже недвусмысленно намекал на возможность поддержки в этом случае Станислава отрядами татар и ногайцев⁴⁵.

Заявлениям Юсуфа-паши относительно внешней политики России вторил и крымский хан Каплан-Гирей. В конце 1707 г. в Бахчисарае побывало запорожское посольство «с листом войсковым»: атаман и значный товарищ Щербиновского куреня Гринько и трое казаков. Эти дипломатические контакты не свелись лишь к обычным для двусторонних отношений Крыма и Сечи проблемам пограничных конфликтов. В ответной грамоте, врученной послам от имени хана каймакамом, отмечалось: «не треба бы вашему московскому царю тиснотися куда не треба, в Волощину, да утискаца там и под себе обращать». На это якобы жаловался каймакаму побывавший в Крыму некий молдавский староста, просивший, чтобы его имя было сохранено в тайне. Устами каймакама Каплан-Гирей грозил запорожцам: если «царь ваш» в Молдавию «утручатися не понехал, то и мы позседаем на конь», чтобы «своею ханскою

рукою дати поратунок Волощине, понеже царь ваш туда тручается, куда ему не належит»⁴⁶.

На второй встрече со Згурой Юсуф-паша также уделил внимание частным вопросам русско-османских отношений, которые, судя по его эмоциональным высказываниям, сильно волновали Порту.

Прежде всего сераскер выразил недовольство обхождением российских властей с османскими послами. Турецкого дипломата Мустафу-агу, прибывшего в Москву в феврале 1704 г., продержали в России больше года, причем длительное время он жил в Новгороде фактически под домашним арестом⁴⁷. В связи с этим сераскер заявил, что Мустафу-агу «не токмо з обыклою честию, которая от всех монархов Порте дается, не приятно на Москве, но и в далекую сторону оного запроважено и там его за так тесный и крепкий караул засажено, что не токмо людей, но и света Божего з людми своими не могл выдети». Отпущен восвояси посол был также «без всякого удоволствования». Нового дипломата — некоего капычи-агу (по видимому, это должность, а не имя), прибывшего в Азов с жалобами на «шкоды», учиненные тамошними жителями крымским татарам, также «удержано не знат для чого, и ни наперед, ни [на]зад от Азова не пускают». В отличие от России, Порты, заявлял паша, «шкоды, починенные там чрез наших», возместила «от мала до велика»⁴⁸.

На встрече не осталось без внимания и т. н. дело «иконников», осложнившее отношения России и Порты в начале 1708 г. Торговля иконами издавна занимала заметное место в культурных и экономических связях России и балканских славян⁴. По сведениям П.А. Толстого, в Софии несколько торговцев иконами были объявлены лазутчиками и арестованы. Дело получило такую огласку, что великий везир Чорлулу Али-паша якобы даже готов был объявить войну России, но все спасло отсутствие в тот момент у Порты в достаточном количестве боеспособных войск. Тем не менее, молдавскому и валашскому господарям, а также в Белград и Темешвар были направлены распоряжения строго следить за «иконниками», прибывающими из России. В результате в Галаце было конфисковано около 500 икон. Т.К. Крылова обратила внимание, что начало дела «иконников» совпало по времени с возвращением в Константинополь Мехмеда-эфенди⁵⁰.

«В том явная есть московская неправда и неприязнь ку Порте, — заявлял паша Згуре, — что люде их прокрадаются за Дунай скрытыми дорогами, а найпаче до Сербии и Булгарии, будто для продаванья икон, а в самой речи для внутряго замешанья панства турецкого». Они якобы «сербов и болгаров подмвлиют на бунт против солтана». Юсуф-паша выражал недоумение, как они «прокрадаются туда за Дунай и яким путем ездят, поневаж три токмо тракты з панства вашого до нашего определены: один на Азов, другой на Бендерь, а третий на Очаков». По его словам, в связи с этим сераскер получил выговор от Порты, которая писала ему, «страфуючи, что ты, мовит, там за стражник на пограничю от Очакова аж до Белиграда, и чого ты там пилнуешь, поневаж купцов московских з иконами всюда в нашем панстве повно, а ты того

не перестерегаешь». Паша сообщил Згуре, что в Софии некий «гаур московский» — торговец иконами — «говорил противные слова на возмущение народа нашего». Когда об этом узнал софийский паша, то приказал схватить «иконника», однако сыскать его не удалось. Паша доложил об этом в Константинополь, и султан приказал искать возмутителя спокойствия по всей империи. При этом, сообщил Згуре Юсуф-паша, «и когда одного искано, найдено со сто таких же иконников», среди которых четырех поймано на территории, подведомственной ему самому, в Исакче. Все четверо по приказу из Константинополя были отпущены восвояси, а иконы конфискованы и отосланы в османскую столицу.

Подводя итог, Юсуф-паша заключил: «Тыи убо гаурский люде ... не для промыслов своих, но для проведуваня о поведениях наших турецких и для возмущения народа на бунт ездят тайными дорогами, чогобы чинити в приязни застаючим не годилося». Беседу Згуры и Юсуфа-паши прервал ханский наместник Ели-Агаси, после чего паша велел греку отправляться на постоянный двор⁵¹.

Дело «иконников» имело дальнейшее продолжение. В конце августа 1708 г. этот вопрос обсуждался на встрече П.А. Толстого и великого везира Чорлулу Али-паши. Везир отказал на просьбы русского посла освободить задержанных торговцев иконами. Он заявил, что их наплыв во владения Порты вызывает у султанского правительства серьезные подозрения, не направлены ли иконы в дар от царя балканским славянам. Чорлулу Али-паша заявил, что арест «иконников» был совершенно необходим якобы с целью предотвращения новой русско-турецкой войны⁵².

19 мая состоялась прощальная («приватне») встреча гетманского дипломата и турецкого главнокомандующего Силистры, на которой Юсуф-паша повторял все то, о чем заявлял в предыдущие дни, особенно заостряя внимание на необходимости возмещения убытков, нанесенных белгородским татарам и ногайцам набегами казаков и других пограничных жителей России. Сераскер просил передать своему «приятелю» И.С. Мазепе, что если этого не случится, ему трудно будет удержать их от желания отомстить обидчикам и ответным набегом вознаградить себя за «шкоды». Возвращаясь к своим заявлениям, сделанным на первой встрече, Юсуф-паша предлагал, что если гетман не может найти управу на своевольников, то пусть выдаст на его имя специальное письмо, что «татаром волно будет без нарушения мирных договоров свои кривды нагородити и одомстити». «Знайдемо мы и сами своих виновайцов, хот бы посеред Сечи албо и где индей», — грозил он⁵³.

Наконец, «на остаток, при самом отпуску» гетманского посланца Юсуф-паша заявил греку, что С. Тарло, находящийся здесь, в Бендерах, неоднократно просил его организовать встречу со Згурой. Сераскер настаивал на этом свидании, несмотря на то, что Згура, по его собственному свидетельству, «пред ним пашею отмовлялся, что мне жадного дела до посла полского нет и неприлично мне у его яко у противного нашей стороне быть». Юсуф-паша

убеждал грека, что «в том противности ниякой не будет, когда до его заедешь по дорозе». Кроме того, тот несомненно может сообщить гетманскому посланцу интересные сведения «до донесения». В конце концов Згура, по его собственным словам, «по многом убо отговориваню ... моем муселем на прилежный совет пашин соизволити». Юсуф-паша придал Згуре «тарзимана и яничарского хоружого з караулом, чтоб мене, — как отмечается в реляции, — до посла польского запровадили»⁵⁴.

В «Особной реляции» Згура отмечает, что он поинтересовался у тарзимана, можно ли о цели визита польского и шведского дипломатов спросить у Юсуфа-паши, на что турок ответил: «будто вы и сами не знаете того». Он сначала пообещал раскрыть греку цели прибытия посланников Станислава и Карла XII, но «потом, замолчавши, повторил тые слова: для чого, мовит, и казат, и сам догадаешся зачим приехали и чого им треба»⁵⁵.

Польский посол встретил грека церемониальным вопросом о здоровье гетмана И.С. Мазепы, а затем спросил о цели визита Згуры к силистрийскому паше. Грек ответил, что для «успокоения заводов соседских». Тогда поляк поинтересовался, «для чого его милость пан гетман з войском под Белою Церквою стоит, и если там далее будет стоят, или вглубь Полщы пойдет»? Згура ответил: «для отпору всякому неприятелеви, когда будет якое наступление, а вглубь Полщы чаю пойдет, токмо ожидает, пока войска все стягнутся до боку его милости». Напоследок польский посол спросил, почему И.С. Мазепа задержал у себя посланного к нему еще в 1705 г. от Станислава Лещинского пана Францишка Вольского с инструкцией, «самоу его милости и целой Украине полезною», и уже три года как держит в темнице «против всенародного обыкновения». Посол рассыпался в комплиментах Мазепе, говоря, что «сам его милость пан гетман, яко человек разумный, искусный и политичный, добре знает, что посла нигде ни секут, ни рубают, но всюда по всех панствах волный приезд и отъезд меет». Он просил отпустить Вольского, «если его милости не до уподобаня тое поселство и инструкция». Напоследок польский дипломат заявил, что по поручению своего короля Станислава должен был писать о некоторых делах гетману, но опасается, что курьера встретит участь Ф. Вольского⁵⁶. С. Тарло вскоре действительно направил Мазепе письмо с призывом перейти под власть Станислава Лещинского и Речи Посполитой. Письмо это, а также текст своего ответа на него гетман переслал Г.И. Головкину⁵⁷.

Факт посредничества Юсуфа-паши в организации встречи Згуры и С. Тарло заслуживает особого внимания. Не зная о слухах, что И.С. Мазепа готов поддержать Станислава Лещинского, сераскер не мог. Такой вариант развития событий вполне отвечал интересам Порты, и вполне логично, что Юсуф-паша был готов подействовать этому. Не исключено, что он согласился организовать встречу и по просьбе С. Тарло.

Помочь прояснить данные обстоятельства, а также выяснить, обсуждались каким-либо образом вопросы сотрудничества против России на встрече грека

и польского дипломата, могли бы соответствующие документы (если они вообще сохранились), исходившие от самого коронного кухмистра. Вполне возможно, что И.С. Мазепа, опасаясь раскрытия его связей со Станиславом, запретил Згуре вести подобные переговоры. В пользу этого говорит то, что в реляции вообще был зафиксирован факт свидания Згуры и Тарло, в ходе которого последний недвусмысленно намекал на актуальность предыдущих предложений гетману от Станислава Лещинского. О том, что гетман в данный момент стремился свести к минимуму сотрудничество с польско-шведской стороной, свидетельствует и информирование им русского правительства об уже упоминавшемся письме С. Тарло. Вместе с тем, зная, насколько тонкую дипломатическую игру вел Мазепа с польско-шведской стороной, трудно придти к однозначному заключению на основе имеющихся фактов.

В ходе одной из встреч Юсуф-паша также сообщил Згуре, что этой весной он получил от Порты указ, «абы конечно сего лета фортецу в Бендере старался скончити». Чтобы выполнить это распоряжение, паше пришлось увеличить количество занятых на крепостных работах людей и «прилежней пиловати ... о совершении тоей фортецы». Згура свидетельствовал, что Юсуф-паша ежедневно лично наблюдает за строительством, «опрочь недели и пятницы, бо в неделю наши христиане (котории сами толко на деле том находятяся) не робят, а пятницу по биссурманском своем звычайу обсервуют, не бывает на деле он, паша».

Юсуф-паша интересовался у Згуры, завершены ли работы по укреплению Печерской крепости возле Киева и правда ли, что «уделано в фортеции Печерской такий тайный по-под землею проход, яким можно з фортецы по-под водою на другую сторону Днепра пройти». Згура, согласно его реляции, ответил: «что може тое и так быть, токмо я о том секрете не ведаю»⁵⁸. Любопытство Юсуфа-паши не было праздным. К. Кантакузино сообщал Г.И. Головкину еще 13 декабря 1707 г., что толчком к укреплению Бендер и других пограничных крепостей послужили фортификационные работы «в Киеве и по иным пограничным местам чинящиеся»⁵⁹. Вне зависимости от того, правда это или нет, все это свидетельствует, как внимательно следили в Константинополе за любыми шагами по укреплению позиций России на южном направлении.

Уже по прибытии в Белую Церковь и написании своих реляций, Згура устно сообщил И.С. Мазепе дополнительные сведения, полученные им от резидентов валашского и молдавского господарей. Грек поведал гетману, что в прошедший великий пост к Юсуфу-паше «тайно» приезжали два казака из Уманского полка с письмом «не знат от кого». О содержании письма резидентам узнать не удалось. Казаки гостили у сераскера несколько недель, отправившись восвояси после Пасхи. Кроме того, резиденты обещали Згуре выведать, с какими инструкциями вернется из Константинополя Мехмед-эфенди, попросив грека, чтобы за «известительным письмом» были присланы люди «волоской породы» к «губернатору» гетмана в Ягорлык⁶⁰.

Реляции Згуры были пересланы в Посольскую канцелярию и привлекли серьезное внимание русского правительства. Из них по распоряжению

Г.И. Головкина были составлены выписки «елико мочно кратко» и посланы царю. «А не послать, государь, не посмели, для того что ис того видитца некоторая опасность от турок, что надлежит перестерегать», — объяснял свой шаг Головкин. Он предлагал предпринять соответствующий демарш в Константинополе. П.А. Толстой должен был сообщить османскому правительству, что царю не только известно о «пересылках частых» османской и польско-шведской сторон и о миссии С. Тарло, но и о слухах, что Порта якобы намеревается оказать Карлу XII и Станиславу Лещинскому помощь татарскими войсками. В связи с этим русский посол мог сказать, что Петр, конечно, не верит этому, но, тем не менее, относится к таким сведениям «не без подозрения», и потребовать от султанского правительства соответствующего официального заявления, «ибо с стороны вашего величества ничего противного мирному постановлению не показывается, дабы противу того и ваше величество мог поступки свои предвосприять». Толстому следовало убеждать Порту, что цель шведских подстрекательств — побудить царя заключить мир с Карлом XII, и Россия действительно может в случае нападения татар принять мирные предложения противника, который якобы ищет мира через посредство Франции и императора. «И сие б они разсудили, какое следование ис того (остаться в конфликте один на один с Россией. — К.К.) может произойти. А мнится, государь, нам, что иногда турки от того поодумаются», — подводил итог начальник Посольской канцелярии⁶¹.

И после возвращения Згуры гетман И.С. Мазепа продолжал тщательный сбор информации о миссии С. Тарло и информировал обо всем русское правительство, получая сведения «от добрых и поуфалих приятелей при сераскиру пребывающих»⁶².

Молдавский и валашский дипломаты сдержали свое слово. В июне «резиденты добрых приятелей и корреспондентов», как называл их Мазепа, «по обязательству своем, перед Згурою утвержденном», сообщили гетману, что Тарло «всуе труждался и ничего враждебному своему желанию помыслного не получил, понеже Порта на войну ... не резолвовалася и отказала, что сего року не может она ни з ким войны начинат». Татарской помощи польскому послу также «не дано, отговориваючися тым, что хан с крымскою и белгородскою ордою пойшол на черкесов бунтовщиков своих», однако якобы на будущее лето Порта таки обещала начать войну с Россией⁶³. Позднее гетман сообщал, что узнал от «добрых приятелей из Бендер» о приостановке похода крымцев на Кабарду. Ссылаясь на рассуждения своих информаторов, Мазепа предполагал, что, возможно, это связано с изменившейся позицией Порты в отношении миссии С. Тарло, который до сих пор удерживался в турецких владениях⁶⁴. Нельзя не видеть здесь намек на то, что османы решились-таки оказать помощь Станиславу Лещинскому. Эти соображения высказал Мазепа и в письме к А.Д. Меншикову, высланному в начале июля, где также информировал его о перипетиях миссии коронного кухмистра⁶⁵. Слухи о возможном начале в будущем году Портой войны против России сообщались и валашским господарем⁶⁶.

Некоторое время спустя, в распоряжении И.С. Мазепы оказалась «Реляция посланника волоского о Тарле кухмистре коронном, в обозе под Паволочю ... чиненая» 22 июля 1708 г.⁶⁷, переправленная им русскому правительству⁶⁸.

В реляции молдавского дипломата подтверждалось, что Юсуф-паша отпустил С. Тарло «ни з чим». При отпуске он призвал «в намет свой на очную ставку» с польским дипломатом и Мехмеда-эфенди, которого «жестокими словами ... перед кухмистром коронным укорал для чого бы дерзал без указу Порты и без его пашиного ведома обещат Станиславу на суккурсе орду и ассекурацию на тое дават». Мехмет-эфенди якобы ответил, что сам Станислав Лещинский «убедил его тайным прощением своим, дабы о том суккурсе ассекурацию на писме ему дал, которого бы, хотя Порты и не соизволит на тот суккурс и не позволит оный дат, могл лутче партизантов своих при себе удержат, а противных устрашит и к своей стороне привлечь». Кроме того, турецкий дипломат напомнил сераскеру о часто слышанных от него словах, «что з его царским величеством мирные договоры не крепки и вскоре оные разорятся, понеже непрестанные от донцов кубанской орде, а от запорожцев и городских казаков крымской, наипачеже белгородской ордам непрестанные чинятца обиды и разорения, а справедливости и награждения за оные никогда не могут получить». «В надежду тых ... слов», — оправдывался Мехмед-эфенди, он и решил дать Станиславу пресловутое письменное обязательство о высылке на помощь татарского войска.

В ответ Юсуф-паша, «разгневавшись», велел Мехмеду-эфенди выйти из шатра, после чего еще долго совещался с С. Тарло с глазу на глаз. После этой беседы коронный кухмистр покинул Бендеры, но не один, а в сопровождении ханского посла, некоего Анги, который, как отмечалось в реляции, «есть з дому Ширинских, породы в панстве крымском высокой и первойшой по ханах, який дом великую там силу имеет и полномощен есть ханов низлагати и наставляти, без которых совету и соизволения во всех порядках и замыслах хан крымский ничего не может самовластнее чинити и постановляти».

Прощаясь с С. Тарло, Юсуф-паша, тем не менее, «обнадежил» его, что посол крымского хана имеет «полную мочь» на переговоры со Станиславом Лещинским и направляется «за ведомом и волею Порты», поэтому сам польско-крымский договор, если он будет заключен, не только хан примет, но и подтвердит султан. «Издревле таковое обыкновение, — объяснял своему собеседнику сераскер, — что короле полские свои и Речи Посполитой интереса через хана Порте доношивали и через его резолюцию от Порты отбирали»⁶⁹.

О сношениях Крымского ханства со Станиславом Лещинским и Карлом XII в указанное время нам практически ничего не известно⁷⁰. Учитывая, что крымские татары также выражали недовольство русской активностью в Причерноморье (не важно, по собственной инициативе или по указке Порты), то шведско-польско-крымские контакты были вполне возможны. Иерусалимский патриарх Хрисанф сообщал Г.И. Головкину в январе 1708 г. о том, что, будучи в Яссах (известно его письмо, высланное оттуда от 28 сентября 1707 г.⁷¹), он

видел проезжавшего через город крымского посла (человек «знатный», по свидетельству патриарха). Однако тот не смог достичь расположения шведской армии, то ли потому, что не пропустили сандомирские конфедераты, то ли потому, что узнал, что она находится слишком далеко для него — в Великой Польше⁷². Об отправке посланца крымского хана Сеферсех-мурзы к Станиславу Лещинскому и Карлу XII И.С. Мазепе сообщали К. Брынковяну и К. Кантакузино в конце 1707 г.⁷³ Однако шведско-польско-крымские отношения, по всей видимости, не получили дальнейшего развития в связи с крупным поражением крымских татар от черкес в сентябре 1708 г. (сам поход начался весной)⁷⁴, что на некоторое время снизило их внешнеполитическую активность. Уже после бегства И.С. Мазепы в шведский лагерь прибывшие 8 ноября из Сечи купцы поведали, что «войны» со стороны Крымского ханства не будет из-за разгрома крымского войска кабардинцами. Об этом Г.И. Головкину сообщил ахтырский полковник Федор Осипов⁷⁵.

Прибывший в июле 1708 г. в гетманский лагерь под Павлочыю молдавский посланник также поведал, что проезжая Сороку, видел задержавшегося там коронного кухмистра и ханского посла в сопровождении двадцати конных татар. Местный «пиркалаб» (староста) сообщил представителю молдавского господаря, что в течение 12 дней он «всякое доволство в провиантах ... чинил» для польского посла и сопровождавших его лиц, после чего отказал им в предоставлении провизии и прочих припасов, предложив покупать все за свои «гроши» «для настоящей в земле волоской тяжести и крайней людей убогих нищеты». Недовольный С. Тарло заявил, что пребывание в Польше турецкого посла обошлось правительству Станислава Лещинского в немалую сумму, не считая подарков для Мехмеда-эфенди и сераскера, а теперь «жалеют для его малого кошту для прокормления поты, пока не получит от принципала своего к возвращению указу». Коронный кухмистр пригрозил, что если в Сороке его откажут снабжать провиантом, то он вернется в Бендеры, так как «ему без указу станиславового ехат нелзя и под сее время опасно трактом через Полщу»⁷⁶. Уже в сентябре в инструкции Станиславу Понятовскому, представителю Станислава Лещинского при Карле XII, отмечалось, что С. Тарло находится во владениях Порты вплоть до дальнейших распоряжений, хотя он и выехал из Бендер, «видя, что над ним смеются» и отказываются дать татарское войско, которое «предполагалось направить против царя», хотя Порты и не против нападения крымских татар на Азов⁷⁷.

Помимо Згуры, молдавской и валашской дипломатий, гетман получил информацию о контактах сераскера с представителями Карла XII и Станислава Лещинского и от польской стороны. Троцкий воевода Михал Казимеж Котёл прислал И.С. Мазепе «до перестороги» известия «в копии певного якогось листа»⁷⁸. В документе, датированном 11 мая 1708 г. (н.ст.), некий аноним сообщал, что вчера, посетив некоего господина, также не названного, встретил там Гурского (по всей видимости, именно он ездил послом от Станислава Лещинского в Константинополь в 1707 г.). Гурский рассказал ему, что направ-

ляется из ставки Лещинского к С. Тарло в Бендеры. Он опроверг слухи, что коронный кухмистр должен был ехать в Константинополь, и уточнил, что Тарло послан в Бендеры не только как посол, но и для командования тем татарским войском, которое, как рассчитывала польская сторона, будет ему предоставлено в количестве 20 тыс. чел. Порта якобы посмотрит на это сквозь пальцы, поскольку при татарах не будет никого из султанов, ни тем более хана: «to ma być na kształt swawolnej kupy». Они выступят в поход под предлогом мести казакам за похищенных у них коней. По планам польской стороны, «za tałymi wodami» (после того, как просохнут дороги, т. е., видимо, имелась в виду ранняя весна 1708 г., однако в мае этот срок уже явно миновал) татары должны будут собраться на Буджаке, а затем вместе с коронным кухмистром идти на Днестр, где издать универсал, обращенный к гетману Мазепе, «żeby się deklarował jak się ma przeciwko królowi Stanisławowi». Если Мазепа откажется поддержать Лещинского, то крымские татары должны будут наступать на гетмана со стороны Азова, а литовское войско вместе с самим Станиславом и шведскими силами генерала Адама Людвига Лёвенгаупта двигаться на Волынь. Здесь с ними должен будет соединиться С. Тарло с татарами. Сообщая об этих планах, Гурский уверил собеседника, что «Jmp Mazepa jedno rozumie z nimi i zapewnie się deklarował Stanisławowi», поэтому Тарло лучше бы издать другой универсал, обращенный к представителям Сандомирской конфедерации, и в случае их отказа признать законного короля «na wojsko koronne rójść i znosić jako nieposłusznych królowi». В конце письма анонимный информатор добавил, что господин, которому он нанес визит, обещал его тотчас проинформировать, как скоро татарские войска в поддержку Лещинского выступят и куда направятся. Он надеялся получить свежие известия от выехавшего в Бендеры Гурского, который по прибытии туда должен был немедленно выслать с посланиями двух своих людей⁷⁹. Известие о том, что Мазепа готов поддержать Станислава Лещинского, не было уникальным. Сам гетман пересылал подобные слухи в Москву, снабжая соответствующими комментариями⁸⁰.

О результатах миссии Мехмеда-эфенди сообщил русскому правительству и П. А. Толстой. Он вновь утверждал, что Порта отказалась идти на ухудшения отношений с Россией ради поддержки Станислава Лещинского и Карла XII. Известен был Толстому и факт прибытия в Бендеры С. Тарло. Однако представители османских правящих кругов хором заявляли русскому послу, что Порта проигнорировала все предложения коронного кухмистра. Т. К. Крылова, которая исследовала статейный список Толстого, отмечала, что русский посол узнал о результатах миссии Мехмеда-эфенди «значительно позже», после его возвращения в Константинополь⁸¹. В конце июля 1708 г. Толстой писал Г.И. Головкину, что Юсуфу-паше велено было ответить коронному кухмистру следующее: «что де Порта с поляки имеет любовь, которую де всегда содержать изволяет, а со шведами де любви иметь не отрицается», но татарское войско, о котором просит польский дипломат, прислано ему не будет⁸². И хотя подробностей польско-шведско-турецких переговоров в Бендерах весной —

летом 1708 г. П.А. Толстой знать не мог, в его письме, как представляется, получила отражение позиция Османской империи, обозначившаяся еще год назад, летом 1707 г. Таким образом, русский посол косвенно подтверждал правильность тех опасений, которые возникли у русского правительства в конце 1707 г. в связи с донесениями И.С. Мазепы.

* * *

Информация о дипломатических контактах на польско-османском пограничье, которые велись через сераскера Юсуфа-пашу, поступала в распоряжение русского правительства через посредство гетмана Мазепы, дополняя и уточняя сведения, которые пересылал в Посольскую канцелярию П.А. Толстой, а также валахский и молдавский господа и их приближенные.

Гетман не только занимал важное место в системе информирования центрального правительства о состоянии турецко-татарских дел, но и выполнял другие ответственные поручения. В феврале 1708 г. для П.А. Толстого в Константинополь были отправлены лисьи, а также соболиные меха стоимостью в 5 тыс. руб.⁸³ Доставка была поручена И.С. Мазепе. При этом гетман советовал не посылать ценный груз через Молдавию, поскольку сераскер Юсуф-паша запретил пропускать через Яссы подобные товары, требуя, чтобы все шло через Бендеры, где он мог бы самолично подвергнуть их контролю, «как стражник пограничный». По мнению гетмана, «общий наш неприятель сераскер всячески тщится и подговаривает Порту против нас на войну», поэтому Юсуф-паша наверняка потребует меха задержать «и по времени отпустит, когда уже (чего не дай Боже) злomu своему намерению помыслное что от Порты на противную сторону получит». «Найпаче же идется мне о высочайший гонор монарший, который лутче нежели зеницу ока блюду», — уверял он Г.И. Головкина. Поэтому Мазепа предложил послать меха в обход, через Валахию и Бухарест, не сомневаясь, что тамошний господарь переправит Толстому все в целости и сохранности⁸⁴. С мехами в Валахию выехал человек гетмана, который успешно доставил их до места назначения⁸⁵, откуда груз благополучно прибыл в Константинополь⁸⁶. Через И.С. Мазепу шел обмен пленных русских и турок. В начале 1708 г. П.А. Толстой сообщал, что русского пленника, которого ему передали турки, он отправит к гетману⁸⁷. Примерно тогда же царь распорядился освободить и вернуть в Порту 30 человек пленных турок и татар из Санкт-Петербурга, переправив их туда через И.С. Мазепу⁸⁸. Вскоре они были доставлены в Киев, и гетман ждал окончательных распоряжений по отправке их к Юсуфу-паше⁸⁹. Через Мазепу шла в Посольскую канцелярию и корреспонденция П.А. Толстого⁹⁰. Гетман даже сообщал собственные сведения о внутривосточном положении в Османской империи⁹¹. Уведомляя Головкина о пересылке очередного пакета писем Толстому, Мазепа сообщал, что будет писать о победе при Лесной «к доброжелательным корреспондентам в волоскую и мулянскую земли пространно», а посланцу, который поедет с письмами, прикажет, чтобы «в пути даже до самого Константинополя о той победе

оглашал»⁹². Именно гетману было поручено в 1708 г. передать царское жалование иерусалимскому патриарху, молдавскому и валашскому господарям, Михаилу и Константину Кантакузино⁹³.

Вопрос о характере информации о польских и турецких делах, которую поставлял русскому правительству И.С. Мазепа, уже ставился в литературе в связи с последующим переходом гетмана на сторону шведского короля Карла XII. Н.И. Костомаров, который упоминал о поездке Згуры в Бендеры, считал, что тот «впоследствии явился одним из участников измены гетмана, а потому, вероятно, доставляя пугливые реляции, на самом деле ездил к сераскиру вовсе не с такими полезными для царя видами, как о нем показывал гетман в своих донесениях Головкину»⁹⁴. Однако вместе с тем, оценивая сведения, доставленные Мазепой русскому правительству о турецко-польско-шведских контактах второй половины 1707 г., исследователь считал их «важными» и не выражал сомнений, что они могли быть как-либо превратно перетолкованы в гетманской канцелярии⁹⁵. Скорее всего историк не изучал реляций Згуры, а судил о них на основе письма Г.И. Головкина царю Петру (что следует и из примечания)⁹⁶. Тем более, что донесения И.С. Мазепы, связанные с миссией Згуры, имели скорее успокоительный для русского правительства, нежели «пугливый» характер, сообщая о неудаче миссии С. Тарло и отвлечении сил крымского хана на борьбу с Кабардой.

В другом своем произведении Н.И. Костомаров уже заявлял, что Згура был в курсе намерения гетмана перейти на шведскую сторону и в связи с этим «исполнял такие поручения, о которых сам не посмел бы нигде заикнуться». Поэтому историк сомневался в правдивости сообщений Мазепы, что поездка Згуры к Юсуфу-паше совершена была «в видах пользы для московского правительства», и предполагал, что в связи с тем, что «в это время Мазепа уже был окончательно готов встречать в Украине врагов Петра, то очень может быть, что Згура у сераскира исправлял от Мазепы поручения, полезные более для шведского короля, чем для русского царя»⁹⁷. Недавно С.О. Павленко фактически поддержал это мнение, выразив уверенность, что Згура Стилевич готовил почву для сотрудничества с османами в деле «освобождения Украины»⁹⁸.

Автор популярного жизнеописания П.А. Толстого — Н.И. Павленко, противопоставляя сообщения центральному правительству, исходившие от Мазепы (главным образом письмо от 7 ноября 1707 г.) и русских дипломатов при западноевропейских дворах, сведениям, которые слал в Посольскую канцелярию П.А. Толстой (преувеличенно названы автором «взаимоисключающими»), целиком становится на сторону последнего, поддержав фактически позицию Т.К. Крыловой. Более того, историк считал, что Мазепа, возможно, был причастен к провокации, «искусно» организованной шведско-польской дипломатией, а вышеуказанное письмо могло являться «частью коварного плана изменника». И хотя Н.И. Павленко признает, что прямых данных для подобных заключений нет, тем не менее, по его мнению, достаточно косвенных доказательств: заинтересованности гетмана в русско-турецкой войне (отнюдь

не бесспорной) и подтверждения Мазепой своих сведений со ссылкой на иерусалимского патриарха Хрисанфа (также не выдерживающее критики, как будет показано ниже)⁹⁹. Эта версия получила недавно отражение в статье В.В. Станиславского, посвященной турецкой дипломатии И.С. Мазепы после октября 1708 г. Автор в связи с этим обратил внимание на давно известные историкам материалы доноса Василия Дрозденко. В этом доносе, поданном на гетмана царскому правительству в начале 1708 г., отмечалось, что в прошлом году Мазепа посылал к Станиславу Лещинскому своего посланника с письмом, которое было зачитано в присутствии «бусурманского посланца» (Мехмеда-эфенди?). В письме заявлялось о готовности казаков вместе с крымскими татарами, шведами и поляками выступить против русского царя¹⁰⁰.

Немало усилий потратил на доказательство существования антироссийских контактов И.С. Мазепы с османскими властями В.Е. Шутой, считавший, что «интриги гетмана в Крыму и Турции имели довольно долгую историю». В доказательство этого тезиса историк ссылался на донос В.Л. Кочубея и И.И. Искры. Кроме того, он привел свидетельство дипломата петровской эпохи князя Б.И. Куракина, что и до 1708 г. «много факций от Мазепы было как в Крым и в Белгородскую орду, так и в Царьград, чтобы турки и татары мир разорвали с его величеством царским». В качестве конкретного примера В.Е. Шутой без достаточных на то оснований приводит как раз миссию Згуры Стилевича к Юсуфу-паше весной 1708 г.¹⁰¹

Следует сразу отметить, что донос В.Л. Кочубея и И.И. Искры действительно содержит ряд туманных намеков на некие сепаратные (т.е. осуществлявшиеся без ведома царского правительства) контакты И.С. Мазепы с Крымом и Турцией «ни для чего болше, тилко для того, щоб прити ему (Мазепе. — К.К.) з ними в знаемость и поуфалость, жебы коликолвек, получивши себе час способный, могл их зажити до своее услуги», подобно гетману И.Е. Выговскому¹⁰². Однако конкретных свидетельств Кочубей и Искра привести не могли. Более того, они сообщали, что в 1707 г. И.С. Мазепа жаловался жене Кочубея на плохие отношения с турецко-татарской стороной. «То трудность, що Орды нам неповольны», — говорил он, заявляя, что на некую его просьбу о помощи хан ответил отказом. Сетовал гетман на плохие отношения не только с ханом, но и с сераскером Юсуфом-пашой («а до паши селистрийского, сераскера як много посылаем, не получаю жадное надеи»; возможно, именно поэтому в 1708 г. гетман часто характеризовал его, как «недоброхота») и в связи с этим предлагал «дело свое зачати» с другой стороной, в которой доносчики усматривали Станислава Лещинского¹⁰³. При этом Мазепа не терял надежды, что татары будут ему «вскоре потребнии»¹⁰⁴.

Что же касается автора «Гистории о царе Петре Алексеевиче» Б.И. Куракина, то он, как и все последующие историографы, исходил из априорного положения, суть которого состояла в автоматической экстраполяции содержания сношений И.С. Мазепы («изменнических» либо в целях «освобождения» Украины, не имеет значения) с Крымом и Портой после октября 1708 г. на

предшествовавший период. Между тем, в настоящее время существует лишь небольшое число косвенных свидетельств в подтверждение этой гипотезы, и, главным образом, это свидетельства Кочубея и Искры. На основании этого мы с уверенностью можем предположить лишь то, что политические концепции И.С. Мазепы 1707–1708 гг., безусловно, оказывали влияние на его позицию в системе русско-османских и русско-крымских отношений.

С.А. Нильсон не обнаружил каких-либо данных о факте присутствия Мехмеда-эфенди на аудиенции посланца И.С. Мазепы у Станислава Лещинского, зато приводит массу свидетельств о распространении шведской пропагандой сведений о готовности гетмана выступить на стороне Карла XII и Порты против русских (донос В. Дрозденко был шведскому историку неизвестен). Так, в декабре 1707 г. французский дипломатический агент при ставке Карла XII сообщал, что Мехмед-эфенди обещал шведам поддержку турок и казаков Мазепы, а также предложил Станиславу двадцатитысячное татарское войско для борьбы со сторонниками короля Августа II. Ю. Сёдерьелм, впрочем, в письме к шведскому посланнику в Гааге отмечал, что не верит, чтобы казаки склонились под власть Станислава, а турки пришли к нему на помощь¹⁰⁵. В мае 1708 г. в письмах шведских политиков и дипломатов вновь появляются пропагандистские констатации общего характера о готовности казаков И.С. Мазепы выступить на стороне шведов и Станислава¹⁰⁶.

Было ли связано это с поездкой Згуры в Бендеры и его секретными переговорами с Юсуфом-пашой, по понятным причинам не попавшими в реляции? Ю. Сёдерьелм, сообщая своему брату в мае 1708 г. о антироссийских настроениях казаков, далее пересказывает текст письма сераскера гетману Мазепе о недовольстве турецко-татарской стороны миром с Россией из-за постоянных набегов российских подданных (тех же самых казаков) на татарские владения, с требованиями возмещения убытков. Юсуф-паша заявлял, что в противном случае ему будет трудно удержать татар от мести, и это неминуемо приведет к крупному конфликту¹⁰⁷. С.А. Нильсон на основе того, что содержание этого письма стало известно в ставке шведского короля, делает вполне логичный вывод о продолжавшихся турецко-шведских контактах и после завершения миссии Мехмеда-эфенди¹⁰⁸. Шведский историк, однако, не был достаточно осведомлен о миссии С. Тарло, которого сопровождал неизвестный по имени шведский представитель, и не мог поэтому предположить, что письмо это, скорее всего, попало в шведскую полевую канцелярию через посредство этих дипломатов¹⁰⁹.

Получается, таким образом, что С. Тарло и его шведский коллега знали лишь об официальной причине визита Згуры в Бендеры. Свидетельств, что заявления шведской пропаганды (которая, по мнению С.А. Нильсона, часто выдавала желаемое за действительное¹¹⁰) о готовности казаков поддержать Карла XII и Станислава Лещинского имели прямую связь с миссией украинского дипломата, в нашем распоряжении нет. Предположение, что Юсуф-паша не сообщил С. Тарло и его шведскому коллеге о соответствующих пере-

говорах со Згурой, противоречит всей логике действий турецкой дипломатии вообще, и сераскера в частности, в отношениях с польско-шведской стороной.

Возвратимся теперь к событиям осени-зимы 1707–1708 гг. Письмо И.С. Мазепы от 7 ноября следует анализировать в контексте позиции гетмана в обширной системе связей России не столько с Портой, сколько с вассальными ей Молдавией и Валахией, а также с балканскими христианами. Связи эти были прочными и существовали не одну сотню лет. С концом XVII века, когда Россия активизировала южное направление своей внешней политики, они укрепились. Не только Молдавия и Валахия, но и христиане Балкан нередко выражали надежды на помощь России в освобождении от османской власти; жалование из русской казны получали представители православной церкви этих земель и крупные вельможи. В связи с этим и русское правительство, и гетман И.С. Мазепа, как подданный православного царя, получали информацию из схожих источников. Г.И. Головкин, например, (в отличие от П.А. Толстого, что далеко не лучшим образом характеризует его деятельность в Константинополе¹¹¹) поддерживал сношения с валашским господарем К. Брынковяну, молдавским М. Раковицей, валашским стольником К. Кантакузино и др.¹¹², а также коронным гетманом А.М. Сенявским, информировавшим русскую сторону в т. ч. и о турецких делах¹¹³. При этом переписка с ними велась через гетмана¹¹⁴, однако нередко указанные корреспонденты сообщали И.С. Мазепе свои сведения напрямую, подразумевая, что гетман передаст их русскому правительству¹¹⁵. Курьеры из Молдавии и Валахии приезжали в Москву и минуя гетманский двор в Батурине¹¹⁶. В этих условиях у Мазепы было очень мало возможностей для маневра в плане манипуляции получаемыми данными с турецкой границы и организации каких-то провокаций, направленных против интересов России. Следует отметить, что после бегства Мазепы в шведский лагерь и молдавский, и валашский господарь сразу же отмежевались от поступка гетмана, подтвердив свою верность прежним сношениям с русским государством¹¹⁷.

После получения письма И.С. Мазепы от 7 ноября 1707 г. Г.И. Головкин по распоряжению Петра I¹¹⁸ направил соответствующий запрос не только П.А. Толстому, но и К. Брынковяну¹¹⁹, и Константину и Михаилу Кантакузино¹²⁰, и иерусалимскому патриарху Хрисанфу¹²¹. Валашский государь опровергал возможность приготовлений Порты к войне, ссылаясь на отсутствие необходимой активизации всей османской военно-бюрократической системы в рамках империи, но подтверждал факт строительства крепости в Бендерах, добавляя, впрочем, что турки всегда полны враждебности в отношении христиан. Мехмед-эфенди, по его мнению, был послан в Польшу с осведомительными целями¹²². Ему вторил К. Кантакузино¹²³.

Что касается патриарха Хрисанфа, то он еще 28 сентября (из Ясс) писал Головкину, что турки притворяются в своем желании пребывать с царем в мире, и, не имея возможности начать сейчас войну «ради междуусобных их брани», сделают это при первом удобном случае. Головкин, выражая ему благодарность

за информацию, отмечал, что подтверждения о военных приготовлениях Порты в Бендерах и турецко-шведско-польских контактах Посольская канцелярия имеет и «из иных стран», и просил в дальнейшем сообщать обо всех подобных вестях¹²⁵. На этот запрос канцлера (т.е. уже по поводу сообщений Мазепы), Хрисанф ответил, что Порты ждет только удобного момента, чтобы выступить против России, признавая в тоже время, что «ныне не видитца явного приготовления», о котором должно быть объявлено за год (здесь патриарх вторил К. Брынковяну). Хотя турки, считал Хрисанф, заняли в целом выжидательную позицию по отношению к русско-шведскому противоборству, тем не менее, они не перестают укреплять пограничные с Россией крепости и вполне могут дать позволение на набег татарам¹²⁶.

Сравнение этих свидетельств с письмом гетмана от 7 ноября позволяет усомниться в его провокационности. Во-первых, Мазепа был далеко не одинок в своих предупреждениях, и то, что его информация особенно привлекла внимание русского правительства, свидетельствовало о высоком доверии к гетману как к «эксперту» по турецко-татарским делам; во-вторых, в Бендерах действительно велись укрепительные работы, и туда были посланы войска (и хотя масштабы этого вполне могли быть Мазепой преувеличены, тем не менее, это не означает, что мы можем безоговорочно верить опровергавшему размах этих военных приготовлений П.А. Толстому, который находился на значительном расстоянии от Бендер), и в том, что в совокупности с миссией Мехмеда-эфенди это спровоцировало слухи о войне, нет ничего удивительного и уникального; в-третьих, как это уже отмечалось выше, связь подканцлера С.А. Щуки с посольством Мехмеда-эфенди также нельзя отвергнуть совершенно. Наконец, в четвертых, русское правительство, как это видно из уже рассматривавшегося письма Петра I П.А. Толстому, интересовали в первую очередь дипломатические сношения Порты с Карлом XII и Станиславом Лещинским и уже потом связанные с этим слухи о турецких военных приготовлениях¹²⁷. Именно так царь трактовал суть проблемы в письме А.Д. Меншикову: «Для турков заноситца *отвсюды* (курсив мой. — К.К.), а паче от гетмана Мазепы». Далее Петр сообщал, что с целью получения более подробной информации направил к гетману посланца, который, возвратившись, подтвердил, что «подлинно ага поехал к Шведу и к Лещинскому», но от Юсуфа-паши, а не от султана. «И рассуждаю я, — продолжал царь, — что оныя (турки. — К.К.) не зачнут, разве, от чего сохрани, Боже, какой злой случай нам в шведской войне будет; однакож то истинное, что оныя сватаютца меж себя»¹²⁸. То есть, возможность начала русско-турецкой войны царь отвергал, но шведско-турецкие контакты антироссийской направленности справедливо допускал. Точно также характеризовал позицию царя английский посол в России Чарльз Витворт, отмечая, что сведения о враждебности Порты приходят из разных источников («from several hands»)¹²⁹.

Любопытно, что уже скоро И.С. Мазепа частично дезавуировал свои сведения о близящейся войне с Портой. Головкин в письме Петру от 21 ноября

1707 г., сообщая о полученном донесении П.А. Толстого, в котором тот «не пишет, милостию Вышняго, никакого страха от турок и что пребывать намерены с вашим величеством в покое», комментировал это так: «и тако противно прежним ведомостям, от гетмана Мазепы и отинуда (т. е. из других источников. — К.К.) разглашенным, о чем и гетман со удивлением к нам пишет (курсив мой. — К.К.)»¹³⁰. А в письме Головкину от 10 декабря 1707 г. Мазепа уже пересказывал сообщение стольника К. Кантакузино об отсутствии военных приготовлений у Порты и приводил его мнение, что Мехмед-эфенди, хотя и послан от имени Юсуфа-паши, но, тем не менее, не без ведома Порты (что соответствовало истине)¹³¹. В самом конце декабря факт посылки Мехмеда-эфенди подтвердил союзник России коронный гетман А.М. Сенявский, и Головкин, уведомляя об этом царя, предлагал дать указания Толстому заявить соответствующий протест при османском дворе¹³². А британский посол в России Чарльз Витворт сообщал в своем донесении в конце 1707 г. о получении находящимся в Минске резидентом трансильванского князя Ференца II Ракоци известий от своего принципала о намерениях Порты объявить войну России. В качестве доказательства курьер привез даже некие оригинальные документы, в т. ч. и подтверждавшие факт миссии Мехмеда-эфенди¹³³.

К этому стоит добавить также, что даже автор версии о «провокации» Н.И. Павленко признавал, что о контактах Порты со Станиславом Лещинским и Карлом XII «трубила вся западноевропейская печать»¹³⁴, а С.А. Нильсон приводит немало фактических подтверждений распространения шведской стороной этой информации при европейских дворах¹³⁵.

Историкам давно уже известно свидетельство Йорана Нордберга о предложениях Мазепы Станиславу Лещинскому, сделанных через гетманского посланца в октябре 1707 г. Гетман предлагал совместное выступление против России, однако Карл XII посчитал соединение с казаками преждевременным¹³⁶. Возникает соблазн предположить, что «провокационное письмо» от 7 ноября связано с этими событиями. Однако при этом сразу появляется несколько вопросов. Если к этому числу Мазепа знал о результатах миссии своего агента, то зачем тогда было форсировать события и раньше времени пугать русское правительство угрозой войны? И опровергать свои же слова менее чем через месяц? Если же гетман еще не получил информации о пребывании своего посланца в шведской ставке, то в таком случае его поспешные действия тем более выглядят странными для такого опытного политика. Единственная правдоподобная версия, которая может быть в связи с этим высказана, заключается в том, что в начале ноября Мазепа уже обладал некоей предварительной информацией о в целом благосклонном отношении шведского двора к переходу казаков на сторону Карла XII и Станислава Лещинского и поэтому решил несколько раздуть циркулировавшие слухи об обострении русско-османских отношений в надежде, что само соединение со шведами скоро наступит. Но затем, получив уточняющие сведения, что сам переход гетмана под власть шведского короля и его польского ставленника решено отложить, Мазепа

немедленно смягчил свои заявления о готовности Порты начать войну с Россией. Такая гипотеза, построенная на очень шатких основаниях, имеет, впрочем, даже меньше прав на существование, нежели утверждение, что гетман лишь добросовестно передавал русскому правительству собранную информацию и стал жертвой слухов, спровоцированных военными приготовлениями в Бендерах и других приграничных районах, как и многие другие дипломаты и корреспонденты русского двора. И не только потому, что она практически не выбивалась из контекста тех сведений, которые поступали Г.И. Головкину из других источников (Мазепу можно обвинить только единственно в том, что он, намеренно или нет, но несколько сгустил краски), но и потому, что не имела никаких последствий для политики русского правительства, за исключением вполне справедливого выговора П.А. Толстому за его легкомысленное отношение к миссиям С. Гурского и Мехмеда-эфенди (см. об этом выше). На что мог рассчитывать гетман, затеяв приписанную ему Н.И. Павленко провокацию? На то, что, как предположил автор, русское правительство перебросило бы часть войск на южные границы? Но Петр никогда бы не сделал этого, не проверив по другим каналам данной информации и не убедившись в действительном масштабе турецкой опасности, что признает и сам Н.И. Павленко¹³⁷. Разве не мог не знать этого гетман, искушенный политик, посвященный во многие тайны русской дипломатии? В той системе дипломатических контактов России с Портой, частью которой был сам Мазепа, действительно, серьезная дезинформация сразу бы вышла на поверхность, не принеся гетману никаких выгод, а только снизив к нему доверие со стороны русского правительства (и это учитывая, что на Мазепу и так поступало немало доносов).

Вместе с тем мы не можем окончательно отвергнуть тезис, что между письмом гетмана от 7 ноября и поездкой его агента в шведскую ставку, также как между заявлениями шведских сановников о готовности казаков выступить на стороне Карла XII в мае 1708 г. и поездкой Згуры к Юсуфу-паше могла существовать некая связь. Однако делать на такой слабой основе выводы об участии гетмана в пресловутой польско-шведской «провокации» нельзя. Прояснить этот вопрос можно будет лишь с введением в оборот новых источников, проливающих свет на эту проблему, в т. ч. турецких и польских.

Таким образом, на основе имеющихся на сегодняшний момент данных, нет оснований говорить о существовании самостоятельной, независимой от России и системной политики гетмана Мазепы в отношении Османской империи в рассматриваемое время. Донос Кочубея и Искры дает возможность осторожно предположить, что гетманом осуществлялись отдельные акции подобного характера ранее, однако за период конца 1707 — октября 1708 г. в нашем распоряжении нет ничего, кроме упоминавшегося уже выше факта из доноса В. Дрозденко. Однако и он не является прямым свидетельством попыток неизвестного чернеца, который привез письмо Мазепы к Станиславу Лещинскому, установить контакты с Мехмедом-эфенди.

Рассмотренные выше реляции Згуры и другие документы тем более не дают в наше распоряжение фактов в подтверждение этих предположений (уже хотя бы потому, что составлены они были именно для русского правительства), но зато логично укладываются в общий контекст русско-турецких отношений. Ничего не говорит о сношениях И.С. Мазепы с турками в 1708 г. и такой осведомленный свидетель, как Филипп Орлик¹³⁸. Да и сам Мазепа, обращаясь в 1709 г. к Юсуфу-паше, ни словом не вспоминал о каких-то имевших место ранее контактах антироссийского характера, хотя момент для этого был более чем подходящий¹³⁹.

Все это, как уже отмечалось выше, не исключает, что в своих донесениях русскому правительству о ситуации на границе с Османской империей вообще, и о поездке Згуры в Бендеры в частности, И.С. Мазепа мог расставлять акценты таким образом, чтобы настроить царя и его окружение в нужном для себя ритме касательно некоторых вопросов тактического характера. Так, например, не желая высылать казацкие войска в помощь коронному гетману А.М. Сенявскому, Мазепа ссылался, в том числе, на турецко-татарскую опасность и враждебное отношение к России сераскера Юсуфа-паши¹⁴⁰.

Кроме этого, существует свидетельство, не вполне ясное, о недовольстве русского правительства разноречивостью присылаемых гетманом сведений с турецкого пограничья. «Известихся подлинного донесения, — писал Мазепа Головкину в июне 1708 г., — что у двору его царского величества оглашается, будто я до когось писал и уведомлял, что Порта сеей настоящей кампании противной стороне турецким войском суккурс учинит, о чом я ни до кого не писал, то никогда в ведомостях тых, якие вашей велможности доношу, не рознствую, яко и недавно в един сенс и до вашей велможности, и там где з оказии прилучилося, писал о Тарле...». Далее повторялась уже в целом известная из предыдущих посланий гетмана информация о миссии коронного кухмистра¹⁴¹. Трудно заключить, был ли этот инцидент недоразумением или сознательной попыткой Мазепы дезинформировать кого-то из царского окружения.

Конечно, нельзя отрицать, что превратно толковать поступавшие к нему сведения гетман мог, в том числе и в связи с его тайными контактами со Станиславом Лещинским. Однако отсюда далеко до прямых сношений с турками. Информация Мазепы была не свободна от слухов и преувеличений. Но в каждом конкретном случае трудно однозначно судить, добросовестно ли гетман передавал русскому правительству собранные им данные или же как-то интерпретировал их в своих целях. Преувеличенными можно назвать, в частности, известия о военных приготовлениях османов в конце 1707 г. При этом, впрочем, стоит заметить, что подобные слухи (особенно о татарских набегах) часто кружили на русско- и польско-турецком пограничье и время от времени сообщались в Москву не только гетманом, но и христианами — выходцами из владений Османской империи. Порой они могли быть спровоцированы и реальными военно-подготовительными акциями Порты, масштаб которых

преувеличивался. Работы по укреплению крепостей и усилению военного присутствия османов в Причерноморье велись, начиная с 1705 г.¹⁴², а в начале 1707 г. турки стали стягивать к границам с Россией дополнительные войска и строить новую крепость в Бендерах¹⁴³.

В этих условиях любые слухи о возможном начале боевых действий Порты против России вызывали вполне обоснованную тревогу русского правительства и требовали немедленной проверки. Курьезный случай произошел около 1705 г. с П.А. Толстым, которому иерусалимский патриарх Досифей сообщил о скором начале русско-турецкой войны и о планировавшемся османами обыске в доме русского посла. «Я в то время все письма потребные пожег, о которых после (когда слухи о войне оказались ложными. — *К.К.*) велми раскаялся», — сетовал посол¹⁴⁴. В сравнении с ноябрьскими сообщениями Мазепы, информация патриарха кажется гораздо более «провокационной», хотя бы потому, что привела к уничтожению важной дипломатической корреспонденции.

Еще одной естественной причиной, препятствовавшей установлению доверительных отношений между гетманом и османской стороной в лице сераскера Юсуфа-паши (что подтверждается и доносом Кочубея и Искры), были обострившиеся как раз на рубеже 1707–1708 гг. пограничные конфликты, виной которым были формально подвластные же гетману сечевые и уманские казаки. Между тем, трения политического и иного характера между Сечью и гетманом ограничивали его возможности влиять на внешнюю и внутреннюю политику Запорожья.

Однако в основном сведения реляций Згуры Стилевича и других, связанных с его миссией документов, как представляется, отвечали реальным фактам, давая в руки русских правящих кругов ценные и важные сведения. Подробности о миссии Мехмеда-эфенди, сообщавшиеся И.С. Мазепой, подтверждаются другими источниками. Кроме того, заявления Юсуфа-паши о недовольстве Порты вмешательством России в польские дела и ее военным присутствием на Правобережной Украине подтверждаются политическим шагами Османской империи после Полтавской битвы и событиями разразившейся в 1711 г. русско-турецкой войны¹⁴⁵.

В целом поездка Згуры к сераскеру Юсуфу-паше весной 1708 г. сыграла важную роль в сборе русской дипломатией информации о подозрительных, с ее точки зрения, турецко-шведско-польских контактах и свидетельствовала об активной вовлеченности украинского гетмана в русско-турецкие отношения. Одновременно это препятствовало Мазепе развивать самостоятельные контакты антироссийского характера с Портой и Крымом.

---

¹ См. о нем: *Костомаров Н.И.* Мазепинцы // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. — Т. 16. — СПб., 1885. — С. 602–603; *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. — К., 2004. — С. 144–145. С.О. Павленко считает, что

Згура происходил из нежинских греков, отмечая наличие у него двора в Нежине. В октябре 1708 г. И.С. Мазепа отмечал, что «в самом городе Нежине люди все смиренные купецкие», среди которых больше половины греков и волохов (РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. Д. 3а. — Л. 615 об.).

² *Крылова Т.К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. — Т. 65. — М., 1959. — С. 262–263; *Kamiński A.* Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadskim 1706–1709. — Wrocław–Warszawa–Kraków, 1969. — С. 70–71; *Lisowski J.* Quelques remarques sur la mission de Mehmed Aga en Pologne (1707) // *Folia Orientalia.* — 1959. — № 1. — С. 50–51.

³ П.А. Толстой — П.П. Шафирову. 13 августа 1707 г. Константинополь // Письма и бумаги императора Петра Великого (Далее — ПБИБВ). — Т. 6: (июль–декабрь 1707). — СПб., 1912. — С. 492–493; П.А. Толстой — Г.И. Головкину. 10 сентября 1707 г. Константинополь // Там же. — С. 493–494.

⁴ *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. — М., 1971. — С. 54–55; *Nilsson S.A.* De svensk-tyrkiska förbindelserna före Poltava // *Scandia.* — 1953–1954. — Bd. 21. — Н. 2. — С. 122–136; *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... С. 263, 267, 269–270; *Геровский Ю.А.* Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. — М., 1959. — С. 36; *Lisowski J.* Op. cit. S. 51–56. Шведский историк С.А. Нильсон писал о шведско-турецких контактах только на основе шведских и турецких источников и потому из неточных заявлений кабинет-секретаря Ю. Сёдерьелма сделал ошибочный вывод о нахождении в Крыму шведского представителя, которым был поляк (*Nilsson S.A.* Op. cit. S. 134–136). Речь, конечно же, идет о мисси С. Тарло, о которой С.А. Нильсон не знал. В.Е. Шутой ошибочно переносит миссию С. Гурского на лето 1708 г. (*Шутой В.Е.* Позиция Турции в годы Северной войны 1700–1709 гг. // Полтавская победа... — С. 120–121).

⁵ *Lisowski J.* Op. cit. — С. 56; *Nilsson S.A.* Op. cit. S. 126–131. С.А. Нильсон не упоминает о письменных обязательствах Мехмеда-эфенди. См. также: *Костомаров Н.И.* Мазепа // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. — Т. 16. — СПб., 1885. — С. 322–323; *Шутой В.Е.* Позиция Турции... — С. 126–127; *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. — С. 55.

⁶ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 260–262, 266–267, 269–270. Более кратко русско-османских отношений в 1707–1708 гг. исследовательница касалась также в своей ранней статье (*Крылова Т.К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. — Т. 10. — М., 1941. — С. 268–270).

⁷ *Nilsson S.A.* Op. cit. — С. 124–127. Шведский историк также приводит точки зрения других исследователей на эту проблему (*Ibid.* — С. 133–134). Неустойчивость отношений России и Порты в предполтавский период, когда периодически возникали слухи о войне, отмечал и В.Е. Шутой [Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата) / Перевод, введение и примечание В.Е. Шутого. — М., 1977. — С. 3–4; *Шутой В.Е.* Позиция Турции... — С. 126).

⁸ ПБИБВ. — Т. 6. — С. 495–496.

⁹ Там же. — С. 179.

¹⁰ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 265–267; *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. — С. 54.

¹¹ П.А. Толстой — Г.И. Головкину. 29 января 1708 г. Константинополь // ПБИБВ. — Т. 6. — С. 497–507.

¹² Nilsson S.A. Op. cit. — S. 131. Письмо датировано в соответствии с т. н. шведским стилем, опережавшим старый стиль на 1 день.

¹³ Так, например, основную информацию об отношениях Юсуфа-паши с поляками и шведами П.А. Толстой получил от драгомана Порты А. Маврокордато (Шкарлата). Об этом он упоминает в своем письме, но текст прилагавшейся к нему записки Шкарлата не опубликован (ПБИПВ. — Т. 6. — С. 506). Также ему удалось встретиться с прибывшим в Константинополь представителем Юсуфа-паши, однако тот, конечно же, уверял, что Мехмед-эфенди был направлен исключительно по распоряжению сераскера и в ответ на просьбы польской стороны с осведомительными целями (Там же. — С. 507). Наконец, позднее русский дипломат наладил контакты и с самим Мехмедом-эфенди, однако дало ли это в его распоряжение какие-то ценные сведения, неясно (*Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 269).

¹⁴ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 501.

¹⁵ Г.И. Головкин — Петру I. 9 мая 1708 г. Витебск // Там же. — Т. 7. — Вып. 2. — М. — Л., 1946. — С. 773.

¹⁶ И.С. Мазепа — Петру I. 27 февраля 1708 г. Фастов // Там же. — Т. 7. — Вып. 1. — Петроград, 1918. — С. 348.

¹⁷ Г.И. Головкин — Петру I. 18 апреля 1708 г. Витебск // Там же. — С. 526.

¹⁸ Важность Ягорлыка как пункта, постоянно находясь в котором, представители гетмана могли собирать важную информацию о турецко-польских контактах и политике Порты, И.С. Мазепа отмечал особо (*Таурова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. — М., 2007. — С. 204. У автора название искажено: «Яллгорлик»).

¹⁹ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. Постскрипtum. [апрель 1708 г.]. Б.м. — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 525–525 об.

²⁰ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 759. В.Е. Шутой ошибочно назвал автором письма Долгорукого (инициалы не указаны). Ссылка на «Письма и бумаги...» в его статье также дана неправильно (*Шутой В.Е.* Позиция Турции... — С. 119).

²¹ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 263–264, 267. См. также: П.А. Толстой — Г.И. Головкину. 20 февраля 1708 г. Константинополь // ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 529.

²² ПБИПВ. — Т. 6. — С. 495.

²³ Кошевой Т. Фененко и Низовое Войско Запорожское — И.С. Мазепе. 4 января 1708 г. «3 коша». — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 424–425. Тимофей Фененко в январе — начале февраля был сменен кошевым Константином Гордиенко, первое известное письмо от которого датировано 11 февраля (Там же. — Л. 407). Это позволяет внести дополнения и уточнения в существующий перечень кошевых атаманов (Українське козацтво: Мала енциклопедія. — Київ–Запоріжжя, 2006. — С. 312–313).

²⁴ Г.Р. — И.С. Мазепе. 4 января 1708 г. Сечь. — Там же. — Л. 430–431. По сообщению информатора, среди конокрадов «чолнейшими сут сии: Петро Грицко Деребера и Хведор куреня Величковского, Корнус — Калниболотского, Ерко — Корсунского, Семен Буток — Сергиевского, Андрей Щербына — Батуринского, два брата Бацманов — Тимошовского, которые самим поводом были до того коней белгородских занятия». Кроме того, со слов своего духовного отца Ипполита, Г.Р. писал, что когда у Ипполита собралась в честь Рождества сечевая старшина, один знатный казак из Платнировского куреня — Михаил Чалый сказал, что он «еще, мовит, колис заграет москалеви у дудку, да будет и гетман скакаты, тилко еще пождемо мало», но был прерван остальными товарищами. Это лишний раз

свидетельствует, что на Сечи гетмана И.С. Мазепу воспринимали как проводника российской политики в отношении Низового Войска.

²⁵ К. Гордиенко и Низовое Войско Запорожское — И.С. Мазепе. 20 апреля 1708 г. «3 коша». — Там же. — Л. 389 — 389 об.

²⁶ К. Гордиенко и Низовое Войско Запорожское — И.С. Мазепе. 12 мая 1708 г. «3 коша». — Там же. — Л. 382 — 382 об. Ватага Перебийноса отличалась особенной активностью в 1708 г. В недатированной цедуде (видимо, относится к лету 1708 г.) Мазепа сообщал о жалобах Юсуфа-паши на отгон казаками Перебийноса у белгородских татар 340 голов скота (Там же. — Л. 468). Примерно тогда же, по информации гетмана, «давний разбойник» Перебийнос, собрав отряд из более чем 500 чел., стоял на р. Ингул «в одном крепком месцу», при этом в районе Буга также собралось «в крепкий також де местца на килка сот блиско тысячи гултяйства», видимо, остатки булавицев. Гетман предупредил о появлении этих ватаг сераскера Юсуфа-пашу (Там же. — Л. 549). См. также: *Костомаров Н.И. Мазепа...* — С. 419.

²⁷ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 445–446.

²⁸ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 532. Недатированная цедуде.

²⁹ Г.И. Головкин — Петру I. 9 июня 1708 г. Витебск // ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 824.

³⁰ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 363–371 об.

³¹ Там же. — Л. 372–377 об.

³² Там же. — Л. 363–364 об. «А если пишете и поведаете вы, что не ваши нашой стороне шкоды чинят и говорите, же не можете, як ветра в полю своеволцов не знат яких, по диких степах изследовати и вынайти, а запорожцы вас не слухают, то дайте нам на писме позволене, чтоб нам волно было самым таковых гултаев повстягати от своеволи, и что вы их боронити не будете. А мы сами тую своеволю повстягнемо и кожного такого своеволца где колвек, хочь и на Запорожю знайдемо. Гдыж мы и перед сым хотели сами отмщение учинить запорожцам за розбите купцов подданных наших, толко вы и в тот час не допустили нам того исполнять».

³³ Там же. — Л. 364 об.–365. В одной из недатированных цедуд И.С. Мазепы отмечалось, что от Низового Войска и кошевого прислано в Чигирин 240 коней из 700, похищенных у белгородских татар. Мазепа сообщал Г.И. Головкину, что коней отправил в Бендеры с обязательством разыскать и остальных, а в Сечь послал письмо, требуя их возвращения, поскольку Юсуф-паша «не будет доволен присылкою 240 коней, но станет о досталное число упоминатца» (Там же. — Л. 568). Таким образом, либо писарь, составлявший письмо И.С. Мазепы для сераскера, совершил ошибку, вписав неправильное число коней, либо Юсуф-паша намеренно искажал суть дела, чтобы оказать давление на гетманского посланца.

³⁴ Я. Рушковский, видимо, неоднократно использовался киевским воеводой для сношений с Юсуфом-пашой. См. о нем также: *Lisowski J. Op. cit.* — S. 53. — Прим. 1.

³⁵ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 372–372 об.

³⁶ Там же. — Л. 373.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. — Л. 373–373 об.

³⁹ Речь идет о посольстве в Османскую империю Рафала Лещинского в 1700 г., который, среди прочего, пытался не допустить заключения русско-турецкого мира (*Konopczyński W. Polska a Turcja 1683–1792.* — Warszawa, 1936. — S. 50–51).

⁴⁰ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 373 об.–376.

⁴¹ *Nilsson S.A.* Op. cit. — S. 125–129.

⁴² Здесь и везде в реляции, а также других документах, вышедших от гетмана И.С. Мазепы, Мехмед-эфенди именуется именно так.

⁴³ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 376–377.

⁴⁴ Там же. — Л. 365–367 об.

⁴⁵ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 826–828.

⁴⁶ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 422–422 об. Перевод грамоты послан И.С. Мазепе анонимным информатором Г.Р.

⁴⁷ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. — Т. 4. — Ч. 1: Битва под Нарвой и начало побед. — СПб., 1863. — С. 324–329.

⁴⁸ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 367 об.–368.

⁴⁹ *Рогов А.И.* Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). — М., 1990. — С. 126–130.

⁵⁰ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 268–269. См. также: К. Брыньковяну — Г.И. Головкину. 23 марта 1708 г. Б.м. // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы в трех томах. — Т. 3: 1673–1711. — С. 286–287.

⁵¹ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 368–369.

⁵² *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 268–269.

⁵³ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 369 об.–370. «Бо я хотя и приятель естем, однак и человек смертелный, и если мене з сего уряду низложат, албо и голову на оном здиймут, то по старому и по мне хто будет, не оставит упоминатися о тые шкоды, и по смерти моей за недоброго мене поминатимут, же не умелем за моего уряду целости их охороняти», — говорил Юсуф-паша.

⁵⁴ Там же. — Л. 370–370 об.

⁵⁵ Там же. — Л. 372 об.

⁵⁶ Там же. — Л. 370 об.–371 об. О миссии Ф. Вольского см.: *Костомаров Н.И.* Мазепа... — С. 277–278, 356–357; Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. — Ч. 2: 1691–1722. — С. 48–51; Основа. — 1862. — № 10. [Отд. IX]. — С. 2.

⁵⁷ *Костомаров Н.И.* Мазепа... — С. 355–357. И.С. Мазепа отмечал, что на «прелестное и пашквилное» письмо С. Тарло «отписал вдвое» и, испрашивая разрешения на отправку ответа коронному кухмистру, жаловался, что «без корреспонденции жадной многии враги клеветцут и вымышляют тое, чога и в уме моем никогда не постояло и не было». По поводу Ф. Вольского гетман сообщал, что «тот уже и противником ни на что не здастся и не угоден будет, понеже болше от году великою болезнию объят лежит, чи то от крепкого вязения и тесноты или от инной якой вредительной немощи, однако от кайданов и от крепкого караулу не свободен» (И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 3 июля 1708 г. «З обозу». — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 706–708).

⁵⁸ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 377–377 об.

⁵⁹ Исторические связи... — Т. 3. — С. 373.

⁶⁰ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 543. Недатированная цедула.

⁶¹ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 824–825.

⁶² И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 13 июня 1708 г. Белая Церковь. — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 689–689 об. Гетман сообщал, что С. Тарло все еще не покинул османских пределов.

⁶³ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 19 июня 1708 г. «З обоу от Торгана». — Там же. — Л. 693–693 об. Пересказывая сообщения информаторов, Мазепа отмечал, что Порта не может начать в этом году войну «для того, что у турецком государстве издревле такое обыкновение, что когда хотят на кого возвигнут военное оружие, то на тое приуготовляютца чрез целый год и ферманы свои на приуготовление к походу посылают до пашей далечайших ... и не тайно тое чинят, но явственно, оглашая причины еуропейским государством, для яких мирные договоры хотят раздрушит и в войну вступят» (Там же).

⁶⁴ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 3 июля 1708 г. «З обоу». Постскрипtum. — Там же. — Л. 706–706 об. Объяснение приостановки похода крымцев было довольно курьезное: «когда услышали черкесы, что хан к ним намерен ити со всею ордою крымскою и белгородскою, тогда выбрав что наилутчих девок и хлопцов, послали до солтана турецкого с ними своих послов, чолом бия, дабы хану дани обыклой не дваваат, по тому, что они черкесы тепер приняли веру бусурманскую, а Алкоран Махометов бесурманом дани дваваат возбраняет». В ответ султан якобы послал свой фирман хану, велел ему отменить поход и не брать с черкес дани. Сведения эти, впрочем, не были совершенно беспочвенными. В современной событиям турецкой хронике сообщается, что, с целью отсрочить поход крымских татар, кабардинцы начали с ними переговоры, предложив им некоторое количество невольников в качестве выкупа. При этом они действительно апеллировали к утверждению в Кабарде ислама и нормам шариата, которые запрещают мусульманам брать в невольники единоверцев (*Кушхабиев А.В.* Некоторые аспекты кабардинско-крымской войны 1707–1708 гг. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. — Нальчик, 2008. — С. 180; *Сокуров В.Н.* Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. — Нальчик, 1986. — С. 56). Сходство этих двух известий несомненно.

⁶⁵ *Шутой В.Е.* Позиция Турции... — С. 119–120.

⁶⁶ К. Брынковяну — Г.И. Головкину. 23 марта 1708 г. Б.м. // Исторические связи... — Т. 3. — С. 287.

⁶⁷ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 461–462 об.

⁶⁸ О посылке реляции гетман сообщал Г.И. Головкину в письме от 28 июля 1708 г. («З обоу з под К[иева]»). — Там же. — Л. 736 об.

⁶⁹ Там же. — Л. 461–462.

⁷⁰ Ср.: *Возгрин В.Е.* Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. — Вып. 29. — Таллин, 1985. — С. 70. По мнению автора, союз с ханством стал актуальным для Швеции весной 1708 г., свидетельством чему стала посылка некоего «поверенного» шведского короля в Крым. Хан якобы «тепло» встретил его и немедленно начал готовиться к походу. Трудно судить, насколько правдоподобны эти сведения, поскольку В.Е. Возгрин не указал своих источников. Возможно, в основе их

лежат уже упоминавшиеся заявления шведских сановников касательно миссии С. Тарло или же сведения о посольстве О.В. Клинковштрёма, состоявшегося, по-видимому, не ранее 1709 г. (*Воззрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // *Вспомогательные исторические дисциплины.* — Т. 9. — Л., 1978. — С. 326–327).

⁷¹ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 475.

⁷² Патриарх Хрисанф — Г.И. Головкину 13 января 1708 г. Бухарест // Там же. — С. 483. Ханский посол, возвращаясь обратно через Яссы, еще застал там патриарха.

⁷³ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 10 декабря 1708 г. Батурин // Там же. — Т. 6. — С. 444, 446–447. Видимо, о нем упоминал и патриарх Хрисанф, т. к. гетман в письме отмечал, что патриарх еще, возможно, не покинул Яссы.

⁷⁴ Канжальская битва и политическая история Кабарды...; См. также: *Бгажноков Б.Х.* Как Каплан-Гирей «погубил» Мазепу // *Родина.* — 2008. — № 11. — С. 48–49. Не совсем ясно, на основании каких данных автор делает вывод, что «в тайне от турецкого султана, по настоянию визиря Чорлылы Али-паши, крымский хан вел переговоры с Мазепой, обещая соединиться с ним, как только шведский король Карл XII вступит в Украину» (Там же. — С. 49).

⁷⁵ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 567.

⁷⁶ Там же. — Л. 462–462 об.

⁷⁷ Труды императорского Русского военно-исторического общества. — Т. 1: Документы Северной войны. Полтавский период (июль–октябрь 1708 г.). — СПб., 1909. — С. 209. На этот источник обращал внимание В.Е. Шутой (*Шутой В.Е.* Позиция Турции... — С. 120).

⁷⁸ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. Недатированная цедула. — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 622.

⁷⁹ «Copia listu pewnego». 11 мая 1708 г. (н. ст.). — Там же. — Л. 448–448 об. В присланной гетманом вместе с этим письмом рукописной газетке (Там же. — Л. 622), озаглавленной «Od Dniestra z Raszkowa», сообщалось, что Юсуф-паша принял польского и шведского представителей очень любезно, хотя и не пропустил их в Константинополь. Сераскер разбил для них свои шатры, при этом шведский дипломат получил богатые дары от имени султана: «meczet ze srebra robiony bardzo misternie, wanna srebrna zlocista i kredens szczyrozłoty do kawy». Шведский король якобы обещал выплачивать жалование отряду татар численностью в несколько тысяч человек в течение 11 дней (Там же. — Л. 447–447 об.).

⁸⁰ *Костомаров Н.И.* Мазепа... — С. 345–346.

⁸¹ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия... — С. 269 — 270. Мнение исследовательницы, что неудача миссии С. Тарло была очередным успехом П.А. Толстого, представляется несколько преувеличенным.

⁸² Канжальская битва и политическая история Кабарды... — С. 335.

⁸³ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 270; Там же. — Вып. 2. — С. 757.

⁸⁴ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 523–523 об. (недатированный постскрипtum), 627 (недатированная цедула).

⁸⁵ Там же. — Л. 555. Недатированная цедула.

⁸⁶ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. Б.д., б.м. Получено в Мигновичах (недалеко от Смоленска) 5 сентября 1708 г. — Там же. — Л. 765–766 об.

⁸⁷ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 505.

⁸⁸ Там же. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 529–530. См. также: РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. — Л. 765–765 об.

⁸⁹ РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 591. Недатированная цедула.

⁹⁰ Там же. — Л. 585, 730, 760, 782–782 об.; Исторические связи... — Т. 3. — С. 286; ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 526.

⁹¹ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 10 июля 1708 г. «3 обозу от Борщагувки». — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 712–713. На основе известий «от добрых приятелей и зычливых корреспондентов» гетман сообщал о болезни султана оспой. После выздоровления он «впал в фебру малинкгну» и «mordus cadus». В преддверии скорой смерти султана (даже в случае выздоровления его уже считали не способным править) при османском дворе обсуждались кандидатуры возможных преемников. Великий везир Чорлулу Алипаша хотел возвести на престол девятилетнего племянника правящего султана и одновременно своего шурина. Другая «партия» — «большая и сильнейшая» выступала за двоюродного тридцативосьмилетнего брата султана, сына Мехмеда IV, при котором в 1672 г. был взят Каменец-Подольский.

⁹² И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 11 октября 1708 г. Салтыкова Девица. — Там же. — Л. 649–651 об.

⁹³ Там же. — Л. 577.

⁹⁴ Костомаров Н.И. Мазепа... — С. 354–355.

⁹⁵ Там же. — С. 322–323. Видимо, имелось в виду письмо Мазепы от 7 ноября 1707 г.

⁹⁶ Там же. — С. 354.

⁹⁷ Костомаров Н.И. Мазепинцы... — С. 603.

⁹⁸ Павленко С. Назв. праця. — С. 145.

⁹⁹ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. — М., 1988. — С. 164–169. В своих рассуждениях о «изменнических» планах И.С. Мазепы автор упускает из виду им же отмеченный факт совпадения информации гетмана со сведениями, полученными от русских представителей в европейских столицах.

¹⁰⁰ Станіславський В.В. Иван Мазепа в таборі Карла XII: турецький вектор дипломатичної діяльності // Укр. іст. журн. — 2008. — № 5. — С. 39. Утверждение В.Е. Шутого, что этим посланником был Згура, — явное недоразумение (Турция накануне... — С. 9; Шутой В.Е. Позиция Турции... — С. 128).

¹⁰¹ Шутой В.Е. Позиция Турции... — С. 121. Текст источника цитируется по данной работе.

¹⁰² Источники малороссийской истории... — Ч. 2. — С. 103–104.

¹⁰³ Там же. — С. 104–105.

¹⁰⁴ Там же. — С. 107.

¹⁰⁵ Nilsson S.A. Op. cit. — S. 129–130.

¹⁰⁶ Ibid. — S. 134–135.

¹⁰⁷ Ibid. — S. 134.

¹⁰⁸ Ibid. — S. 136.

¹⁰⁹ Письмо Ю. Сёдеръелма совершенно правильно связал с миссией С. Тарло В.Е. Шутой. (См.: Шутой В.Е. Позиция Турции... — С. 118).

¹¹⁰ Nilsson S.A. Op. cit. — S. 135.

¹¹¹ Интересна в этой связи следующая сентенция П.А. Толстого, высказанная им в письме в августе 1706 г.: «проклятые волохи беспрестанно к Порте пишут, веселя ее, будто рати великого государя вконец побеждены шведами, и от этого турки еще больше гордятся» (*Соловьев С.М.* Сочинения. — Кн. 8. — М., 1993. — С. 159).

¹¹² *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. — М., 1969. — С. 68 и след.; Исторические связи... — Т. 3. — С. 139 и след.; *Кочубинский А.* Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румунами. — М., 1872. — С. 20–21.

¹¹³ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 580; Там же. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 306–307.

¹¹⁴ 10 декабря 1707 г. И.С. Мазепа сообщал Г.И. Головкину, что переслал его письма К. Брынковяну, резиденту господаря при османском дворе, патриарху Хрисанфу, и одновременно пересказывал сведения, полученные от валашского господаря и К. Кантакузино (ПБИПВ. — Т. 6. — С. 444, 446–447); ПБИПВ. — Т. 8. — Вып. 2. — М.–Л., 1951. — С. 757; РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 585, 782–782 об.; *Семенова Л.Е.* Указ. соч. — С. 90.

¹¹⁵ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 340. В 1708 г. молдавский господарь М. Раковица обещал гетману «соблюдать дружескую и тайную корреспонденцию», сообщал в письме о претензиях коронного гетмана А.М. Сенявского к сераскеру Юсуфу-паше по поводу признания королем Польши Станислава Лещинского и пересылал ответное письмо турецкого губернатора «для донесения августейшему императору», т.е. царю (Там же. — Вып. 2. — С. 825–828).

¹¹⁶ *Семенова Л.Е.* Указ. соч. — С. 86–100; ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 270.

¹¹⁷ М. Раковица — Г.И. Головкину. 4 декабря 1708 г. Б.м. // Исторические связи... — Т. 3. — С. 297. «Безмерно опечалился я о измене и побеге к шведам гетмана Мазепы, и во удивление пришел, ведая царскую к нему милость и благодетельства, а он за благодарение явился второй Иуда», — писал молдавский господарь. Это же следует и из соответствующих посланий К. Брынковяну и К. Кантакузино (*Семенова Л.Е.* Указ. соч. — С. 101–102; Исторические связи... — Т. 3. — С. 307–309), а также письма Г.И. Головкина — К. Брынковяну от 12 января 1709 г. (Исторические связи... — Т. 3. — С. 301–302).

¹¹⁸ Петр I — Г.И. Головкину. 6 декабря 1707 г. Б.м. // ПБИПВ. — Т. 6. — С. 177. «От гетмана зело странные ведомости о турецком начинании слышим», — писал царь. Г.И. Головкин Петру I. 13 декабря 1707 г. Минск (Там же. — С. 485–486).

¹¹⁹ Г.И. Головкин — К. Брынковяну. 19 ноября 1708 г. Минск // Исторические связи... — Т. 3. — С. 268–270.

¹²⁰ Г.И. Головкин — Петру I. 13 декабря 1707 г. Минск // ПБИПВ. — Т. 6. — С. 485–486; Исторические связи... — Т. 3. — С. 373.

¹²¹ Г.И. Головкин — патриарху Хрисанфу. 19 ноября 1708 г. Минск // ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 478–479.

¹²² К. Брынковяну — Г.И. Головкину. 14 января 1708 г. Б.м. // Исторические связи... — Т. 3. С. 277–279.

¹²³ Исторические связи... — Т. 3. — С. 373–374. Ср.: *Семенова Л.Е.* Указ. соч. — С. 99–100.

¹²⁴ ПБИПВ. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 469.

¹²⁵ Г.И. Головкин — патриарху Хрисанфу. 19 ноября 1708 г. Минск // Там же. — С. 478–479.

¹²⁶ Патриарх Хрисанф — Г.И. Головкину. 13 января 1708 г. Бухарест // Там же. — С. 481–482.

¹²⁷ Там же. — Т. 6. — С. 179. В обратном нас убеждает скорее эмоциональное январское письмо П.А. Толстого — Г.И. Головкину, где тот несколько раз повторял тезис об отсутствии опасности нападения Порты на Россию (Там же. — С. 497–506).

¹²⁸ Там же. — С. 196. Важность сведений о польско-турецко-шведских контактах для русского правительства подтверждается и включением их в промеморию, составленную в январе 1708 г. для отпускавшегося из России посланца Августа II. В ней заявлялось, что скорейшее вступление Августа с войсками в Речь Посполитую положило бы конец контактам Порты с Карлом XII и Станиславом Лещинским, которые могут завершиться союзом против России (Там же. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 281).

¹²⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества (Далее — СИРИО). — СПб., 1884. — Т. 39. — С. 452.

¹³⁰ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 516–517.

¹³¹ Там же. — С. 446–447. Об отсутствии каких-либо воинственных намерений у Порты, кроме возможной провокации шведами и сторонниками Станислава Лещинского татарского набега, сообщал гетман (со ссылкой валашского господаря) и в апреле 1708 г. (Там же. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 526).

¹³² Г.И. Головкин — Петру I. 30 декабря 1707 г. Минск // Там же. — Т. 6. — С. 580.

¹³³ СИРИО. — Т. 39. — С. 444. В следующем донесении Ч. Витворт отмечал, что о намерении турок начать с Россией войну «снова» (т. е. повторно) сообщал И.С. Мазепа (Там же. — С. 445). Возможно, эта информация дошла до англичанина с опозданием. На эти факты обращал внимание В.Е. Шутой (*Шутой В.Е. Позиция Турции...* — С. 127–128).

¹³⁴ Павленко Н.И. Указ. соч. — С. 166.

¹³⁵ Nilsson S.A. Op. cit. — S. 129–132.

¹³⁶ Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. — Київ–Полтава, 1995. — С. 146–147.

¹³⁷ Павленко Н.И. Указ. соч. — С. 169.

¹³⁸ Основа. — 1862. — № 10. [Отд. IX]. — С. 1–28.

¹³⁹ *Станіславський В.В.* Назв. праця. С. 47–48. Автор опубликовал его пересказ, который удалось добыть П.А. Толстому. См. также изложение письма Мазепы в донесении австрийского посланника в Константинополе И.М. Тальмана от 18 июня 1709 г. (Турция накануне... — С. 42).

¹⁴⁰ *Костомаров Н.И.* Мазепа... — С. 342–343; РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. — Л. 477 (недатированный постскрипtum), 479 (недатированная цедула).

¹⁴¹ И.С. Мазепа — Г.И. Головкину. 23 июня 1708 г. «З обоу от Тетиева над речкою Росю». — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3а. Л. 695–695 об. В письме гетман уточнял, что С. Тарло приезжал «не характером поселства, но коммендером до сераскера ... для одобраня декларованного в противную сторону от посла турецкого суккурсу, который и за приездом Тарловым обещали белгородскою ордою учинит и ему Тарлу ... вручит».

¹⁴² Орешкова С.Ф. Указ. соч. — С. 53–54.

¹⁴³ Крылова Т.К. Русская дипломатия... — С. 261.

¹⁴⁴ ПБИПВ. — Т. 6. — С. 501. Что касается ссылок И.С. Мазепы на патриарха Хрисанфа по поводу скорого начала русско-турецкой войны, то П.А. Толстой недоуменно заявлял, что патриарх не только «никогда мне не единые ведомости не подал», но еще и сам в своих письмах просит вестей о политике Порты (Там же. — С. 501).

¹⁴⁵ *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). — М., 1990. — С. 44 и след.